

Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Учебное пособие для вузов

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1

Этническая социология как научная дисциплина

Глава 1 .Предмет этнической социологии 2

Становление дисциплины. Предмет и объект этнической социологии. О методологии исследований. Этническая социология в системе научных знаний. Отличие этносоциологии от западной социологии межэтнических отношений. Функции этнической социологии и основные типы исследований

Глава 2 .Теоретические вопросы этничности 13

Пересмотр стадийно-исторического принципа типологизации этноса. Две трактовки нации: нация - согражданство и этнонация. Дискуссии вокруг понимания этничности. Что такое народ, этнос? Кого относят к этническим меньшинствам. Понимание национализма в отечественной и мировой литературе. Источники национализма. Право на самоопределение. Взгляд из Центра и республик. Типы национализма. Демократизация и национализм

Раздел V

Социально-психологические проблемы этничности

Глава 10. Межэтнические отношения 28

Предметная область и особенности дисциплинарных подходов к изучению межэтнических отношений. Методология изучения межэтнического взаимодействия. Исторические и политические факторы в межэтнических взаимодействиях. Роль социально-структурных и культурных факторов. Социально-психологические и ситуативные факторы. Толерантность в межэтнических отношениях

Раздел I.

Этническая социология как научная дисциплина.

Глава 1.

Предмет этнической социологии.

Становление дисциплины.

Этническая социология в том виде, как она представлена в последнем десятилетии XX в., начала развиваться на отечественной почве в конце 60-х годов, чему способствовало возрождение социологии после XX съезда КПСС.

В отличие от сельской социологии или урбансоциологии этническая социология не имела значительного наследия 20-х годов нашего столетия. Как самостоятельное научное направление она стала развиваться с конца 60-х годов, хотя для российской социально-исторической науки интерес к развитию народов глубоко традиционен, начиная с деятельности С.М. Соловьева,

эволюционистские взгляды которого были представлены в "Истории России с древнейших времен"¹.

В.О. Ключевский, ставший в Московском университете преемником С.М. Соловьева, писал, что в "Истории России" на первом плане стоит "изучение форм и отношений государственного и общественного быта России"². Сам же В.О. Ключевский отмечал сложность изучения общества в силу того, что оно "заметно пестреет": "Вместе с социальным разделением увеличивается в нем и разнообразие культурных слоев, типов"³.

Во второй половине XIX - начале XX в. в Русском географическом обществе развернуло свою деятельность Отделение этнографии. Оно собирало материал по специально разработанной программе сначала о нерусских народах, затем о жизни русского народа. Не случайно М.М. Ковалевский писал, что "вопросы генетической социологии, науки о происхождении общественных институтов имеют особый интерес для русских ввиду чрезвычайно богатого этнографического материала, находящегося в их руках"⁴. Эти материалы служили основанием не только для изучения прошлого, но, по выражению А.П. Щапова (автора, близкого к демократическому просветительству 60-х годов XIX в.), и для раскрытия "крестьянско-мирской" среды XIX в. На это также обратил внимание Н.Л. Рубинштейн⁵. Любопытно, что среди первых публикаций П.А. Сорокина было несколько статей по этнографии коми, зырян. Об этом направлении исследований он писал как об имеющем "социологический интерес"⁶. Послереволюционная историография сохраняла широкий подход к исследованию народов и гуманистическую направленность предшествовавшего этапа. Уже тогда, в 20-х годах, для изучения народов была характерна практическая направленность, что определялось задачей "переустройства быта на социалистических началах"⁷.

Заметной тенденцией развития науки о народах был взгляд на нее, исходивший от классического эволюционизма, как на всеобъемлющую науку.

В 1925 г. факультет общественных наук МГУ был преобразован в этнологический факультет и просуществовал до 1930 г. В курсах, которые читались на факультете, духовная и материальная культура рассматривались в контексте социальной жизни, как ее тогда понимали ученые⁸, хотя не все принимали такую ее расширительную трактовку.

В конце 20-х - начале 30-х годов в этнологии, как и в других областях общественнознания, шли бурные дискуссии на почве теоретических разногласий и утверждения марксистской методологии в исследовании народов. В результате этнология превратилась в этнографию и обрела статус отрасли исторической науки.

Изменения в этнографии наметились в 50-х годах, когда появился интерес к странам, получившим независимость после второй мировой войны, а во внутренней политике советское руководство хотело показать успехи в национальной сфере. Но до 60-х годов о соединении этнологии с конкретно-социологическим подходом не могло быть и речи, ибо на этнографию чаще всего смотрели как на науку о традиционной архаике.

Ситуация изменилась после XX съезда КПСС. Возрожденная социология обратилась к исследованию изменений, происходивших в жизни народов, в межэтнических отношениях, поскольку Советский Союз был полиэтничным государством, в котором нерусские в 60-х годах составляли 45% населения⁹. 14 народов (35% населения страны) имели свои союзные республики, в 12 из которых титульный этнос являлся большинством¹⁰.

Кроме того, в административном делении имелось 20 автономных республик (16 из них - в РСФСР), в пяти из которых тогда, а по последующим переписям в семи, титульный этнос составлял большинство¹¹.

Практически все республики были полиэтничными, поэтому серьезные исследования социальных изменений в стране становились невозможными без учета этнического многообразия. Вообще, надо сказать, регулирование межэтнических отношений в России, в том числе и в советское время, всегда было нелегкой проблемой. На XX съезде КПСС этому вопросу - впервые после тридцатилетнего перерыва - был посвящен специальный раздел доклада, он многократно упоминался в выступлениях делегатов, как, впрочем, и на последующих съездах.

Так постепенно начала вновь осознаваться потребность в социологических знаниях, отражающих реальную ситуацию изменений в жизни народов, их самосознании, межэтнических отношениях.

Рождению этнической социологии содействовали и субъективные обстоятельства. В середине 60-х годов директором Института этнографии АН СССР (с 1990 г. - Институт этнологии и антропологии РАН) стал Ю.В. Бромлей - ученый широкого кругозора, заинтересованный в том, чтобы институт приобрел союзное признание актуальными исследованиями. Он знал, что в социальной и культурной антропологии на Западе в те годы происходили важные изменения, что изучение индустриальных обществ, социально значимых проблем современных народов, межэтнических отношений все более переходило к социологии. Социология и социальная психология с их макросоциальным подходом "поглощали", как тогда говорили, этнологию современности. Такой вариант развития науки тоже был возможным. Но развитие советской социологии в тот период осуществлялось усилиями ученых, пришедших из других областей знания, в частности историков, философов и др. Ю.В. Бромлей пригласил в институт известных социологов - И.С. Кона, О.И. Шкаратана. Чуть раньше в институт были приглашены работать и авторы данной главы. Ю.В. Арутюнян "восстановил в правах" сельскую социологию, О.И. Шкаратан - урбаносоциологию, И.С. Кон работал в области социологии личности. Первоначальные научные интересы, с которыми пришли эти и другие ученые в Институт этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде, сыграли очень большую роль в формировании этносоциологии как научного направления, возникшего "на стыке" социологии, социальной психологии и этнологии.

Предмет и объект этнической социологии

С самого начала предметная область этнической социологии была достаточно широкой. В центре внимания оказались: социальная структура народов, особенности социальных изменений в их среде; миграции; специфика внутрисемейных отношений у народов с учетом социальной дифференциации; тенденции в использовании языков в различных социальных группах; соотношение модернизированной и традиционной культуры, функционирующей в городе и деревне, в социальных группах; межкультурные взаимодействия; этническое самосознание; межэтнические отношения.

Этносоциологию определили как пограничную научную дисциплину, изучающую социальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах¹². Народы-этноты в их социальном многообразии были в центре ее изучения. Народы изучаются и этнографами, или, как теперь говорят, этнологами. Однако у этносоциологов есть особенности и в объекте, и в предмете изучения.

В этносоциологических исследованиях объект изучается через личность, включенную в этническую группу. Этнические группы в социологическом понимании - это сегменты, части общества, члены которых осознают себя (или считаются с точки зрения других) носителями общей культуры и обладают чувством солидарности.

Этносоциология формировалась как специальная социологическая теория среднего уровня на основе эмпирических исследований. "Судьбы наций в значительной мере решаются в результате развития и направленности общих социальных процессов - изменения общественных отношений, социально-территориальной мобильности народов, интенсивности и глубины межнациональных и социальных контактов, т.е. явлений, выходящих за рамки традиционных этнографических интересов. Это, скорее, проблемы социологические, но, со своей стороны, без этнографического анализа, и в первую очередь внимания к этнической множественности социальных явлений, они также не могут быть осмыслены"¹³, - таким было представление о новой дисциплине. Она отпочковалась от исторической социологии, ибо в поле ее изучения находятся современные народы, прежде всего урбанизированные, в то время как историческая этносоциология изучает социальные изменения у народов в доиндустриальных обществах.

В то же время исторический подход, стремление рассматривать явления и процессы в исторической перспективе стали характерной чертой этносоциологических исследований. Некоторые науч-ные коллективы стремились проводить повторные (в

ряде случаев это были панельные) исследования, сохраняя основной блок вопросов в опросных листах с тем, чтобы иметь возможность сравнивать динамику изменений. В результате были созданы банки данных исследований, проведенных по сопоставимым программам. Например, по Татарстану такой банк создан за счет исследований, проводившихся в 1967-1968 гг. под руководством Ю.В. Арутюняна и О.И. Шкаратана среди городского и сельского населения Татарской АССР; в 70-х годах под руководством О.И. Шкаратана в городах ТАССР, в 1989 г. в городах и сельской местности ТАССР под руководством Д.М. Исхакова, Р.Н. Мусиной, в 1994 г - Л.М. Дробижевой и Р.Н. Мусиной.

По сопоставимым программам прошли исследования в Эстонии, Грузии, Узбекистане, Молдове и ряде областных центров РСФСР (1971-1976, 1984-1986, 1991-1994 гг.) под руководством Ю.В. Арутюняна.

Возникло даже некоторое разделение между социологами Института социологии и его региональных подразделений, с одной стороны, и теми, кто работал в Институте этнографии и его подразделениях, - с другой. Первые использовали терминологию, утвердившуюся в исторической и политической литературе, называли свой предмет социологией национальных отношений и изучали собственно характер межнациональных отношений и влияние их на политическую ситуацию в стране. Это достаточно четко выражено В.Н. Ивановым во введении к книге "Социология межнациональных отношений" (М., 1996).

Вторые использовали понятийный аппарат отечественной этнологической и мировой социологической литературы. Они именовали свое направление этносоциологией, а социологию межэтнических отношений рассматривали как одну из областей исследования.

В междисциплинарной советской аудитории, конечно, и этносоциологи использовали общепринятые в советской научной лексике термины, во-первых, дабы быть понятыми и, во-вторых, чтобы избежать упреков в архаике и сужения предмета изучения до этнической специфики в особенностях одежды, пищи, быта.

В представлении некоторых ученых, начавших работать в области этносоциологии уже после перестройки, этносоциологи изучали "главным образом социальную обусловленность традиционной культуры, освоение культурных ценностей в полинациональной среде...", и только после середины 80-х годов стали фокусировать внимание на воздействии фактора этничности на частные социальные процессы (социальная мобильность, урбанизированность...) и общесоциальные - стабильность и динамику социальных систем и институтов¹⁴.

В действительности же крена в социологию культуры в этносоциологии не было. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно взять вышедшие в 70-80-х годах книги, например "Социальное и национальное" (М., 1973), "Социально-культурный облик советских наций" (М., 1986), "Этносоциологические проблемы города" (М., 1986) и др. В них преобладала именно социальная и социально-психологическая тематика. В этнокультурной тематике внимание фокусировалось на роли традиционализма в социальном поведении групп, в процессах модернизации, а также на соотношении современных и традиционных элементов в культуре социальных групп, городских и сельских жителей. В современных исследованиях тем более очевидно преобладание социальной и социально-психологической тематики. Поэтому больше отвечает истине представление об этносоциологии как о дисциплине, изучающей социальные процессы и явления в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах.

Предмет этносоциологии - изучение социальных аспектов развития и функционирования этнических групп, их идентичности, интересов и форм самоорганизации, закономерностей их коллективного поведения, взаимодействий этнических групп, взаимосвязей личности, включенной в эти группы, и социальной среды.

Область этносоциологического изучения чрезвычайно широка. Это - этнические особенности социальных изменений (прежде всего в среде русских и титульных этносов республик, а также в диаспорах), в том числе тенденции в профессиональных ориентациях, темпы социальных перемещений в этнических группах, внутриреспубликанская и межреспубликанская миграция в Российской

Федерации, и межгосударственная миграция на постсоветском пространстве; этническая специфика внутрисемейных отношений; тенденции изменений в использовании русского языка и языков титульных народов республик и диаспор в различных социальных группах; соотношение современной и традиционной культуры в социальных группах; роль традиционализма в политической жизни и социальном поведении, процессах модернизации, постиндустриальном развитии; межкультурные взаимодействия, проблемы межкультурных границ, роль религии в культурной дистанции, этническое самосознание, авто- и гетеростереотипы, внутриэтническая солидарность; этнические интересы и установки на межэтническое общение, межэтнические ориентации, толерантность и нетерпимость, проблемы национализма, социальные и социально-психологические основы межэтнических конфликтов. По существу этносоциология изучает этническую специфику всех социально значимых областей жизни общества, рассматривая их с точки зрения социологических критериев и с применением методики социологического исследования.

О методологии исследований

Как и в исследованиях других направлений социологии, этносоциологи стремятся осуществить комплексный подход, т.е. учитывать особенности не только макросреды - социально-политические и экономические условия в стране, но и мезо- и микросреды - конкретную обстановку в республиках, этнокультурную специфику контактирующих групп и уровень их общения (теоретическую вероятность контактов и характер расселения), различия по типу городов и сел, их этническому составу, а также особенности производственных коллективов, типы семьи и т.д.

Этносоциология - междисциплинарное научное направление, и это усложняет методологию этносоциологических исследований. Каждый раз приходится соотносить методологические принципы, позволяющие изучать закономерности общественного развития, развития этнической группы и личности. При таком варианте наиболее общим принципом является принцип деятельности. Деятельность в социологии рассматривается как способ существования человеческого общества, как реализация социальных законов, которые и проявляются через деятельность людей. Через деятельность личность включается в систему общественных отношений. Внутриэтнические и межэтнические отношения являются одним из их видов и сопряжены со всей системой общественных отношений.

Такой подход близок к функционализму Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, которые считали, что общественные явления можно объяснить, анализируя их функции в общественной системе.

Применяя принцип деятельности к изучению личности, включенной в этническую группу, этносоциологи, как и социологи, работающие в других направлениях, используют ряд социологических подходов для изучения и объяснения различных фактов. Совокупность таких подходов составляет методологию, применяемую в данной области знания.

Один из них - культурологический, согласно которому поведение людей рассматривается и объясняется через господствующие в той или иной культуре ценности и правила поведения. Например, в обществе, где человеческая жизнь ценится очень высоко, террор и убийства будут осуждаться, в то время как среди чеченцев террор может рассматриваться как героическое достижение целей. Другой подход - рассмотрение фактов через совместную социальную деятельность людей, в ходе которой возникают особые коммуникативные связи. Н. Смелзер называет этот подход "коллективистским". Он помогает понять, как люди, связанные представлениями об общем происхождении, образуют группу с целью защиты своих интересов. С помощью этого подхода анализируют соперничество, конкуренцию и конфликты.

Понять поведение людей в сферах, затрагивающих этнические стороны их бытия, помогает также подход, который выявляет взаимоотношения. Согласно данному подходу, взаимодействия людей друг с другом обусловлены ролями. Роль - это поведение людей, которого ожидают от них, когда они занимают определенную позицию в группе. У человека бывает множество ролей: и в семье, и на работе, и в неформальных образованиях, в каких-то общностях, группах. Например, когда началось Карабахское движение за отделение от Азербайджана, армяне ожидали его поддержки от своих соплеменников, где бы они ни жили. Наконец,

очень важный подход - психологический. Он объясняет поведение людей как личностей, т.е. не просто как индивидов, а людей, включенных в этническую группу в том смысле, что в их представлениях или поведении присутствует в той или иной мере этничность. С точки зрения этого подхода, этническая идентичность, взгляды, мотивы поведения, социальные установки, ценностные ориентации понимаются как результат взаимодействия личности и общества, влияния среды, в том числе этнической, на личность в процессе ее социализации и деятельности. При раскрытии конкретных тем мы еще не раз вернемся и к методологии их изучения. Она достаточно разнообразна, поскольку практически в поле зрения этносоциологов оказались все те социально значимые проблемы, в которых играли роль этнические особенности.

Этническая социология в системе научных знаний

Этническая социология - часть социологии, одно из ее направлений (как и социология семьи, сельская социология и т.д.).

Этносоциологическая теория - это теория среднего уровня. В рамках ее или как сопредельные с нею разрабатываются теории этнической стратификации, социальных параметров этнодемографии, этноязыковых процессов, межкультурных взаимодействий, этнической идентичности, межэтнических отношений. (Подробнее об этом рассказывается в специальных разделах книги.) В целом внутренняя интегрированность этносоциологического направления в социологии заметно усилилась.

В современных социологических теориях особое внимание уделяется этнометодологии. Сам термин "этнометодология" был введен Г. Гарфинкелем (people's methods буквально означает "методу людей"). Этнометодология ориентирована на исследование того, каким образом люди строят свою повседневную жизнь, поэтому одним из типов исследования стал так называемый разговор-анализ. В чем-то он корреспондирует с этнографическими методами в отечественной науке.

В российской социологии на этнометодологию сейчас обращается особое внимание, хотя в западной социологии дискуссии вокруг нее прошли в 70-х годах и теперь ее роль там не столь заметна. Критика шла по нескольким направлениям; отмечалось, в частности, что она занимается тривиальными темами, ориентируется на идею сверхупорядоченности повседневной жизни, тогда как сама жизнь изобилует конфликтами и фактами непонимания людьми друг друга, этнометодология пренебрегает социальными факторами, направляющими деятельность людей. Тем не менее, само появление этнометодологии ориентирует на изучение повседневности, а повседневность имеет в немалой степени и этническую специфику. Можно ожидать, что внимание к ней не ослабнет.

Концептуальной идеей этнометодологии является идея значения практик. Согласно этой идее, смысл явлений фиксируется в действиях, по отношению к которым слова - только часть практики. Значение же практик громадно. Вспомним, например, выборы президента А. Масхадова в Чечне. Сама процедура выборов была вполне демократичной. Но понять, какие механизмы были включены (договаривались в тейпах, между командирами и т.п.), можно, только хорошо зная этнокультурную специфику народа, т.е. ту фоновую практику, без которой понять суть происходящего в чеченском обществе просто нельзя. Поэтому ее (практику) важно зафиксировать и всесторонне проанализировать.

В настоящее время в социологии раздаются призывы к пониманию значения "фрагментации пространства", "анклавности". Но именно к такому подходу взывала этносоциология с самого начала своего существования.

Углубляется связь этносоциологов и с теоретической социологией, в которой осуществляется пересмотр ряда ведущих теорий. Как известно, одной из наиболее широко использовавшихся вплоть до недавнего времени теорий при изучении развития народов была теория модернизации. Но в 60-70-х годах она подверглась серьезной критике. Ее критиковали за "несбывшиеся надежды", поскольку модернизация несла с собой не только технические блага и удовлетворение потребительских интересов, она не только расширяла свободу выбора поведения человека, но и сохраняла отсталость, не избавляла от нищеты; с ее помощью не удавалось предотвратить войны и конфликты; на ее фоне росли отчужденность и девиантное (отклоняющееся) поведение.

Социологи признали, что уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов нередко вносило дезорганизацию и хаос в

социальную жизнь. Альтернативное противопоставление традиции и современности оказалось ошибочным. Все чаще в социологии говорят об "анклавной" цивилизации и одновременно о возрастающем значении для людей "локальных солидарностей".

Все эти тенденции усиливают важность изучения в развитии народов, государств этнического опыта, этнокультурной и региональной дифференциации, т.е. того, что изучается в этносоциологии.

Расширение тематики этносоциологии в связи с современными потребностями общества углубляет и взаимодействие ее с социальной психологией, контакты с политологией и экономикой.

"Стыковая" с социальной психологией область изучения - этническая идентичность и межэтнические отношения - обозначилась еще в период становления этносоциологии. И именно с социальной психологией различие было наименее четким. Казалось, что вся этнопсихология есть общая зона для этих научных дисциплин. Однако различие в их подходах к исследованию проблем указанной области, несомненно, существует. Несмотря на постоянное стремление социальной психологии рассматривать проблемы в контексте общества, развитие этой дисциплины в рамках психологии накладывает свой отпечаток. Не случайно социально-психологическое направление исследований характерно и для психологии, и для социологии.

О предмете социальной психологии долгие годы идут споры. В ней есть внутродисциплинарный (социальная психология - часть психологии или социологии) и междисциплинарный подходы (социальная психология - смешанная дисциплина на "стыке" социологии и психологии или она захватывает "ничейную землю")¹⁵. И это имеет непосредственное отношение к этнопсихологическому направлению как части этносоциологии. Пока конкретные исследования свидетельствуют о том, что два фактора - базовая специализация и научные учреждения, в которых проводятся исследования, - определяют подход в изучении этнопсихологических явлений. В данный период развития науки прослеживается скорее интрадисциплинарный принцип: подобно тому, как социальная психология развивается в лоне психологии, и социологии, так и этнопсихология развивается в русле и этносоциологии, и социальной психологии.

Примером первого типа исследований служат работы Л.М. Дробижевой, Г.У. Солдатовой, З.В. Сикевич, С.В. Рыжовой по проблемам этнической идентичности, межэтнических отношений, второго - работы В.С. Агеева, Н.М. Лебедевой, А.Н. Оконецниковой и др. по межгрупповым взаимодействиям, по группам старообрядческого населения Кавказа, по группам мигрантов, русским меньшинствам в странах ближнего зарубежья (некоторые ученые называют его "новым зарубежьем"). Конечно, четких границ между исследованием этнопсихологических явлений психологами и этносоциологами провести нельзя. Но все же исследования с психологической ориентацией всегда нацелены на изучение этнопсихологических явлений, которые формируются в процессе непосредственных контактов людей. Под этим углом зрения они изучают и установки, и ценности, и конфликты ("мы - они" в непосредственном общении - непереносимое условие изучения поведения, деятельности людей для психологов). При таком подходе в центре внимания - механизмы взаимодействия и общения.

Для этнопсихологического направления, развивающегося в рамках этносоциологии, характерно внимание, прежде всего к содержанию тех же феноменов - ценностей, установок и других психологических образований и процессов. Но одно общение и взаимодействие групп не объясняет всего содержания и направленности мыслей, эмоций, действий, характерных для народов, этнических групп в конкретных исторических условиях. Они определяются социальными интересами, культурными традициями, исторической памятью, политической и экономической ситуацией.

Отношения между этническими группами и обществом, внутри групп, а также между ними обуславливаются, как справедливо отмечает Г. Г. Дилигенский¹⁶, социальными и политическими институтами, отношениями между большими социальными группами, процессами и событиями исторического масштаба. Взаимодействие личности и общества - это предмет этнопсихологических исследований, проводимых в русле психологии, а изучение через личность социально стратифицированной этнической общности и макросоциальных ситуаций в целом - задача, решаемая в русле этносоциологии. Вести макросоциальный

уровень в социальную психологию стремятся и зарубежные ученые Л. Тэджфел, С. Московиси, и отечественные психологи. И все же, по признанию специалистов-психологов, эта тематика находится на периферии их интересов¹⁷, а для этносоциологов составляет центральное направление исследований, поскольку без изучения указанных взаимодействий понять психологические явления и процессы среди народов нельзя.

Что касается политологии и этносоциологии, то зоной общих интересов является поведение электората во время выборов в зависимости от его этнического состава. Для той и другой важно выяснить, например, в какой мере позиция Президента Татарстана М.Ш. Шаймиева будет влиять на голосование татар и русских за кандидатов в депутаты Государственной Думы или за Президента РОССИИ; в какой степени актуализация русского национального самосознания определяет голосование за Конгресс Русских общин и т.п., как интересно было знать, скажем, влияние исламского фактора при появлении на политической арене партии НУР. В Российской Федерации в целом и в ее республиках стоит вопрос о доступе к власти людей разных национальностей. Эту проблему тоже анализируют этносоциологи, изучающие представительство национальностей в исполнительных и представительных органах власти, в руководстве банков, предприятий, вузов, различных фирм, на телевидении и в прессе. Политические интересы существенно влияли на развитие межнациональных и этнополитических конфликтов. Практически в конце 80-х и начале 90-х годов национальные проблемы (точнее - этнонациональные) оказались главными в политической жизни страны. Национальные чувства были мобилизованы и приведены в действие при решении вопросов о сецессии (отделении) ряда союзных республик, прежде всего в Прибалтике, Армении, Грузии, Азербайджане, на Украине, в Молдове. Ученые и политики спорили, в какой мере такие факторы, как изменения в стратификации этносов, социальный диссонанс, интересы политиков, стремящихся к власти, борьба за власть и др., определяют развитие конфликтов, каково их значение на отдельных этапах.

Общество должно знать, на какой тип политического и государственного устройства ориентированы социальные слои разных народов. Все, что связано с этническими интересами и ориентациями в сфере политики, составляет область совместного изучения этносоциологов и политологов. Это касается и этнополитических конфликтов, проблемы асимметричности федерации.

В ходе экономической трансформации общества также потребовалось изучение этнонациональных факторов. Прежде всего, это было связано с экономическим национализмом - мобилизацией этнических чувств для получения права контроля за ресурсами. Кроме того, возникла необходимость в специальном изучении готовности различных этнических общностей к участию в разных формах собственности. Не случайно, например, в Туве закон о частной собственности не принят именно в силу исторических особенностей хозяйственной деятельности. В Саха (Якутии) стоит вопрос о готовности якутов, аборигенного населения, заменить уезжающих русских на добыче алмазов и золота.

Подобные примеры можно продолжать. Как меняется социальная дистанция контактирующих народов в связи с изменениями занятости в разных сферах экономической деятельности и как это будет влиять на социальную и этнополитическую стабильность в республиках? Потребность общества, государства в решении всех этих вопросов существенно расширяет предмет этнической социологии.

Таким образом, этносоциология интегрирует в себе относящиеся к ее сфере знания и методы из социологии, этнологии, социальной психологии, культурной антропологии и, особенно в последнее время, из политологии, прежде всего, социально-политической психологии, из экономики.

Отличие этносоциологии от западной социологии межэтнических отношений

Отношениям, в том числе межгрупповым конфликтам, дискриминации Этническая социология в нашей стране отличается от соответствующего научного направления в западной социологии. Если классическая работа

У. Томаса и Ф. Знанецкого "Польский крестьянин в Европе и Америке", можно сказать, положила начало этнической социологии, то впоследствии в западной науке возобладала тенденция ко все большей специализации. Исследования имеют главным образом

социально-психологическую направленность, посвящаются межгрупповым.

В западных словарях по социологии и учебниках мы не найдем термина "этносоциология", ибо там эта дисциплина называется "социология межэтнических отношений". Исследование социального развития этнических групп как самостоятельное направление отсутствует. А если оно и изучается, то на примере так называемых развивающихся народов и именуется социологией развития.

Другое отличие заключается в объекте исследований. Вошедшие в учебные пособия примеры - это анализ поведения в молодежном лагере, в ситуациях команды на корабле, т.е. в основном в малых группах или специально созданных ситуациях.

Кросс-культурные исследования, типа проведенных учеными Гарвардского Проекта по социальным и культурным аспектам развития под руководством А. Инкелеса в Аргентине, Чили, Индии, Израиле, Пакистане, Нигерии, представляют скорее исключение, чем правило. По задачам, избранным для анализа ситуациям, выборке это исследование сходно с теми, которые проводились в 70-80-х годах группой ученых Института этнологии (тогда - этнографии) АН СССР по проекту "Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций" (рук. Ю.В. Арутюнян).

В СССР объектом исследования были главным образом народы союзных республик (реже - автономий) во взаимодействии с русскими. В современных условиях объектом стали, прежде всего, титульные народы республик Российской Федерации, русские в республиках РФ и в государствах ближнего зарубежья, а во многих областях России - этнические меньшинства. Например, в Магаданской области изучается отношение местного населения к чеченцам и ингушам в связи с их экономической деятельностью, в Оренбургской - к прибывающим из Казахстана казахам, в Ставрополье и Краснодаре - к мигрантам из государств Закавказья. Но практически всегда объектом являются крупные этнические группы. Социологическое изучение межэтнических отношений в западной науке, в отличие от отечественной социологии и этнологии, имеет более длительные, непрерывные традиции.

Накопленный зарубежными учеными опыт, несомненно, полезен, и хорошо, что теперь он стал гораздо более доступен.

Многие исследования по методике социологических исследований, выполненные на материале этнических групп (шкала Богардуса и др.), в адаптированной форме широко используются в отечественной этносоциологии. Вместе с тем слепое копирование зарубежного опыта неуместно, тем более что и сами зарубежные ученые в последнее время особенно часто напоминают о необходимости учитывать в исследованиях социально-исторический и культурный контекст.

Функции этнической социологии и основные типы исследования

Подобно другим направлениям социологического знания, этносоциология выполняет теоретико-познавательную, прогностическую, практика-преобразовательную и просветительскую функции. Что касается первой - теоретико-познавательной - функции, то необходимо остановиться на следующих наиболее важных моментах развития этносоциологического знания.

Научное исследование предполагает изучение конкретного объекта с помощью мобилизации всего необходимого объема знаний. Объектом в этносоциологии являются, как уже отмечалось, народы, этнические группы в их социальной дифференциации, а также социальные группы с присущими им этническими особенностями (например, татары в Татарстане, татарские и русские рабочие в Татарстане, татарская и русская бизнес-элита в этой республике и т.д.).

Специфика объекта познания в любой науке неизбежно ставит перед исследователем вопрос о характере привлекаемых данных, с помощью которых можно получить наиболее полное и точное знание об изучаемом объекте. В этнической социологии, возможно, в силу первоначальных профессиональных ориентаций исследователей, с самого начала привлекались как факты открытого поведения групп, в том числе исторические события, в которых проявились действия этнической общности, так и факты, характеризующие сознание групп. Например, в Эстонии изучались и опубликованные работы в той или другой сфере знаний, авторы которых выражали общественные настроения, и участие в Балтийской цепи как акте общественного действия, направленного на демонстрацию национальных и политических интересов, а также проводились этносоциологические опросы с целью изучения этнического и политико-психологического сознания, ценностей, установок, ориентации.

Проблема объема, достоверности данных подробнее обсуждается в приложении о методике, здесь же подчеркнем важность для этносоциологии социально-исторических источников знания, в том числе запечатленных в культуре. В этом обществе убедилось особенно в условиях развертывания межэтнических конфликтов. Современный индивидуальный и коллективный опыт далеко не все мог объяснить в поведении людей при эскалации конфликтов. Многие факторы, которые влияли на их поведение, были значительно удалены по времени (например, депортации 40-х годов или подавление восстаний чеченцев в 20-30-х годах). Были и факторы, отдаленные в пространстве, например, политическая борьба в Центре, борьба за передел сфер влияния в экономике и т.д. Понимание причинно-следственных связей в этносоциологическом знании невозможно без учета как фактов прошлого, нашедших отражение в исторической памяти народов, так и этнокультурных особенностей восприятия людей. Приведем лишь один пример. Землетрясение в Армении повлекло за собой многие человеческие жертвы. Ситуацию усугублял Карабахский конфликт. В России началось движение помощи армянам, в котором выражались симпатии этому народу, в том числе поступали предложения принять на воспитание детей, оставшихся сиротами. В Армении же отдать детей, стариков из семьи считается, как и у многих других народов Кавказа, неблагоприятным поступком. Не случайно такие предложения вместо чувства благодарности вызывали, как правило, чувство неприятия, а некоторые даже говорили: "Нас еще хотят оставить и без будущего". Итак, мобилизация необходимого объема знаний как одна из неперенных черт научного исследования в этносоциологии имеет ту специфику, что предполагает большее, чем во многих других направлениях социологии, привлечение исторических и этнокультурных данных. Но это одна сторона процесса реализации этносоциологией ее теоретико-познавательной функции. Другой стороной научных исследований в этой отрасли социального знания служит решение теоретико-познавательных задач, и прежде всего выявление логических, причинно-следственных, закономерных связей. Социология не столь строгая наука, как математика, поэтому приданию логической строгости в ней служит такой этап в исследованиях, как формулирование гипотез и последующая проверка их на стадии обобщения эмпирического материала. К теоретико-познавательной функции относится и формулирование специальных теорий. Ведь, начиная исследование, ученые на стадии теоретической подготовки, как правило, отбирают общие теории, т.е. определяют методологию работы, и теории среднего уровня, или специальные теории, ориентирующие на изучение именно конкретного избранного предмета. На завершающем же этапе делаются выводы на базе данных, полученных в ходе исследования, и эти выводы либо подтверждают и развивают специальные теории, либо формулируют новые. Следующую функцию социологических исследований в любой области называют практико-преобразовательной. С самого начала в качестве цели исследования ставится не только объяснение полученных фактов, проверка гипотез, но и прогнозирование в будущем новых процессов и явлений, а также тенденций развития существующих, поэтому нередко ученые выделяют в качестве самостоятельной прогностическую функцию науки. Именно процесс объяснения и прогнозирования дает основание для последующей выработки практических рекомендаций (на этом основании некоторые ученые считают возможным вычленить у науки так называемую практическую, или инженерную, функцию). Практические рекомендации бывают разного уровня. Они могут касаться предвидения масштабных общественных процессов, а могут - конкретных изменений в обозримой перспективе. Так, на основе анализа материалов, собранных в ходе повторявшихся (1970- 1972, 1981-1982, 1989 гг.), сопоставимых (так называемых панельных) исследований проблем оптимизации развития наций в разных социальных и культурно-исторических условиях, этносоциологи Института этнографии в конце 80-х годов, когда национальные движения еще только начинались, предлагали использовать вариационный подход к разработке принципов государственного устройства, который мог бы помочь сохранить Советский Союз в новом варианте. Практически они предлагали то, что впоследствии сохранило Россию - асимметричность федерации, хотя и требующую совершенствования. Это пример общественно-политического прогнозирования. Но были и локально-практические рекомендации. Например, после

исследований этноязыковых процессов давались рекомендации по тому или иному региону о количестве необходимых школ на национальном и русском языках.

Характер прогнозов и рекомендаций во многом зависит от типа исследований. В этносоциологии, как и в социологии, и в социальной психологии, есть два типа исследований - фундаментальные и прикладные.

Прикладные исследования целиком ориентированы на разработку практических рекомендаций. Такого типа исследования проводились, например, этносоциологами в областях, где предполагалось восстанавливать республику немцев Поволжья. Они были призваны ответить на вопрос: "Как будет встречено местным населением образование такой республики?"

Прикладные исследования требуют немалого профессионального мастерства. Кроме того, существуют два постоянных условия их проведения: гражданская ответственность и социальная чувствительность, чуткость ученых. Бесстрастные ученые встречаются редко. Ответственность заключается в определении своей социальной, общественной позиции. Стараться уйти от ангажированности - это лишь одна из линий поведения, к которой должен стремиться профессионал, ставя на первое место достоверность выводов и прогноза. Обычно такие усилия предпринимаются ради сохранения своей чести или по причине заинтересованности в аттестации как качественного прогнозиста. Второе условие - социальная чувствительность и чуткость - тоже крайне важно при работе в национальной среде. Социальная чувствительность - это умение выявить наиболее значимые проблемы в жизни общества и людей, изучить их для того, чтобы предупредить негативные последствия. В нашей национальной сфере таких проблем бездна. Очень часто именно здесь таятся упрощенные представления в массовом общественном мнении, чреватые губительными последствиями. В качестве примера можно привести приписывание причин негативных явлений в обществе и экономических трудностей злокозненным действиям лиц какой-то национальности. Подобными представлениями умело манипулируют политики. Люди, "переполненные" переживаниями поиска "врага", становятся опорой консервативных сил и практически действуют в ущерб своему народу. Вскрыть такого рода явления, информировать о них общественность и призваны ученые, чувствующие подобные угрозы.

Социальная чувствительность, чуткость должна быть присуща этносоциологу, проводящему исследование, и в том числе тогда, когда он формулирует вопросы, обращенные к респонденту, и делает выводы. Врачебный принцип "не навреди" здесь также необходим. Опросы не должны провоцировать межэтнический негативизм, агрессивный национализм. Равно как и правдивые выводы, даже самые горькие, должны быть выражены в форме, не задевающей национального достоинства групп, относительно которых они сделаны. Гуманистические принципы последовательно реализуются тогда, когда они пропитывают всю методологию и методы исследования.

С помощью этносоциологических исследований общество получает знания о реальном облике современных народов, их настроениях, ценностях, ориентациях. Материалы исследований передаются для публикации в школьных и вузовских учебниках, в прессу, на телевидение. Они помогают преодолевать предубеждения, нетерпимость в отношении этнических групп, вокруг которых сформировался "образ врага".

В условиях этнических конфликтов этносоциологи не раз участвовали в тренингах вместе с представителями прессы с целью выработки наиболее эффективных приемов подачи материалов об этнических группах, участвующих в конфликтах. Всем этим этносоциология выполняет свои просветительские функции.

Примечание.

1. Подробнее об этом см.: Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. М., 1977. С. 28, 29.
2. Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев//Соч. Т.7.М.,1959.С.134.
3. Там же. С. 147.
4. Ковалевский ММ. Социология. Т. 2. СПб., 1910. С. 1, 3.

5. См.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 279.
6. Сорокин П.А. Духовный облик М.М. Ковалевского как мыслителя// Социологические исследования. 1989. № 3. С. 108.
7. Лашук Л.П. Указ соч. С. 79.
8. См.: Преображенский П.Ф. Курс этнологии. М.-Л., 1929.
9. См.: Социально-культурный облик советских наций (по материалам социологического исследования). М., 1986. С. 15
10. См.: Там же. С. 34-35.
11. См.: Козлов В.И. Национальности СССР. М., 1982. С. 117, 121.
12. См.: Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. По материалам Татарской АССР/Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М. 1972; Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 250; Брошей Ю.в , Шкаратан О.И. О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии//Советская этнография. 1979. № 4.
13. Социально-культурный облик советских наций. С. 4.
14. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М., 1996.
15. См.: Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1994. С. 14-15.
16. См.: Дилигенский Г.К. Социально-политическая психология. М., 1994.С.8.
17. Социальная психология. История, теория, эмпирические исследования. /Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л., 1979. С. 47-50.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1994.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциология: цели, методы, некоторые результаты исследования. М., 1984.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
- Брошей Ю.В., Шкаратан О. И. О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии//Советская этнография. 1979. № 4.
- Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
- Перепелкш Л.С., Соколовский С.В. Этносоциология. Новосибирск, 1995.
- Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М., 1996. С. 70, 71.
- Социология в России. М., 1996. Гл. 7.
- Социальное и национальное. М., 1972.
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в Российской Федерации. М., 1997.
- Шихарев П.М. Социальная психология в странах Западной Европы. М., 1985.
- Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. Новосибирск, 1967.

Глава 2

Теоретические вопросы этничности

Пересмотр стадийно-исторического принципа типологизации этноса

Прежде чем перейти к изложению основных направлений в этнической социологии, остановимся на теоретических вопросах трактовки этничности. Без раскрытия дискуссий по этим вопросам будет непонятно значение многих используемых терминов и акцентация проблематики исследований в последние десятилетия

Дискуссии вокруг проблем этничности, развернувшиеся на рубеже 80-90-х годов, стимулировались двумя причинами: во-первых,

потребностью разработки новых теоретических подходов, так как накопленный материал, фиксирующий этнические изменения, не укладывался в сложившиеся к тому времени в науке схемы; а во-вторых, необходимостью вскрыть внутренние пружины национальных движений и конфликтов, вспыхнувших на территории постсоветского пространства.

Одной из первых обсуждалась проблема типологизации этнических общностей. В советской науке, как известно, было принято выделять стадиально-исторические разновидности этноса - племя, народность, нацию, связывая их с определенными общественно-экономическими формациями. В Конституции СССР говорилось, что "Союз Советских Социалистических Республик есть... государство, выражающее волю и интересы всех наций и народностей страны"¹, т.е. признавалось, что народы, населявшие СССР, делились на народности и нации. Нациями считались те народы, которые имели свою государственность - республики, союзные и автономные.

Аргументируя неравенство в возможности иметь свою государственность, приводили критерии наличия или отсутствия своего рабочего класса или уровень урбанизации.

С критикой разделения современных этнических общностей на народности и нации, с предложением единого подхода к ним как к народам выступил в середине 80-х годов М.В. Крюков². Отвечая оппонентам, ссылавшимся на деление народов на нации и народности по критерию удельного веса занятых в промышленности (показателю, синтезирующему в известной мере и долю рабочего класса, и уровень урбанизации), М.В. Крюков приводил примеры, "взрывавшие" этот принцип. Он апеллировал к Всесоюзной переписи 1959 г. и писал, что хакасы, имевшие автономную область и считавшиеся народностью, по удельному весу занятых в промышленности, строительстве, на транспорте и связи не отличаются от белорусов, немцы - от татар, карачаевцы - от осетин³

И хотя сам использовавшийся показатель мог скрывать существенные различия, критерии действительно были относительными и тем более не дифференцировавшими общности в этнокультурном отношении.

Значимость всех этих теоретических споров, тогда широко не вышедших в политическую публицистику, стала очевидной с началом национальных движений в ряде союзных и некоторых, тогда автономных, республиках. На этой волне Хакасская, Горно-Алтайская, Адыгейская, Карачаево-Черкесская и Еврейская автономные области объявили себя республиками, и первые четыре были признаны в качестве таковых Верховными органами власти Российской Федерации. В Молдавии гагаузы заявили о требовании автономии и в 1994 г. получили такой статус уже в рамках Республики Молдовы.

Эти институционные акты демонстрировали относительность деления на народности и нации, ибо никакого кардинального изменения в уровне социально-экономического развития в самих этнокультурных общностях не происходило.

Политическая ситуация в стране к концу 80-х годов сделала теоретические споры о дефинициях очень острыми и общественно значимыми. Достаточно вспомнить, что, опрокидывая представления о различиях в уровне социально-экономического развития этнокультурных общностей, А.Д. Сахаров предложил проект создания союза равноправных "национальных государств" из всех существовавших тогда в составе СССР 53 национально-государственных и национально-территориальных образований (как известно, в состав СССР входило 15 союзных, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов). Этот проект решал проблему Нагорного Карабаха и представлялся многими как выражение демократизации в национальной сфере, но его реализация разрывала бы территорию Российской Федерации, и не только ее. Возможные отрицательные последствия такого варианта построения государства были осознаны позже.

Дискуссии не прошли бесследно. Деление на нации и народности стало уходить из научной и политической литературы.

Выступая на XXVII съезде КПСС, В.А. Тишков назвал доктринальным этнонационализмом объявление "одних народов нациями, других - народностями и национальными группами", создание "иерархии национально-государственных образований"⁴.

В "Концепции государственной национальной политики", принятой в 1996 г., в официальном языке понятия "народ",

"национальность" используются в этнокультурном значении. Они приемлемы для обозначения любой этнической общности или, как чаще говорят социологи, этнической группы.

Более острые дискуссии развернулись вокруг понятия "нация", и продолжаются они до сих пор.

Две трактовки нации: нация - согражданство и этнонация

Стратегически меняющим прежние концептуальные построения стало предложение В.А.Тишкова пересмотреть понятие нации в пользу гражданского, а не этнического содержания. Аргументируется этот подход тем, что вся международная практика и доктринальный язык современных государств, кроме советского, постсоветских и постюгославских, пользуется термином "нация" в значении политической и гражданской общности. Так, термин "нация" в международной организации ООН использован в значении "государственная общность".

Дело в том, что именно с пониманием нации как высшей формы этнической общности, с ее правами связывалось в СССР в целом и в РСФСР, в частности выделение республик как национально-государственных образований. Именно им предоставлялось по Конституции право на самоопределение. А поскольку национальные движения опирались именно на это положение, то опасность сецессий связывалась с ним. Идеи гражданской нации⁵ имели в своей основе попытку нейтрализовать стремление народов или их элит иметь свою максимально возможную или полностью независимую государственность.

Идея деполитизации этничности высказывалась тогда Г.Ч. Гусейновым, Д.В. Драгунским, В.С. Сергеевым, В.Л. Цымбурским⁶.

Представление о нации как о согражданстве поддерживается далеко не всеми. Противники и сторонники такого подхода есть и в республиках, и в Центре. Критика шла и идет до сих пор как со стороны философов, государствоведов, так и со стороны традиционных разработчиков теории этноса - этнологов.

Многие государствоведы и философы отстаивают прежние историко-стадиальные представления о нации как высшей форме этнической общности, сложившейся в период становления капитализма на основе экономических связей, единства территории, языка, особенностей культуры и психики. Сторонники этой Позиции считают, что сохранение национальной государственности есть демократический способ решения национального вопроса⁷.

В апреле 1994 г. в письме на имя президента Б.Н. Ельцина заместитель председателя Совета Федерации Р.Г. Абдулатипов писал в связи с подготовкой концепции национальной политики: "Предусматривалось объявить из Москвы вместо наций какое-то согражданство... Россия давно уже не "этнографическая протоплазма"... Ряд "советников" толкают и продолжают толкать Вас к такой модели федеративного строительства, в которой не находится места нациям, их специфическим интересам. Вовсе не от того беды наши в межнациональных отношениях, что Российская Федерация включает в себя республики и автономии, как об этом со всех сторон вещают некоторые. Были бы, мол, штаты, как в США, земли, как в ФРГ, или губернии, как в Российской Империи, заботы отпали бы... Народы угадывают скрытую логику авторов подобных рассуждений: России нужны Чечня, Тува, Калмыкия и не нужны чеченцы, чувашаи, тувинцы, калмыки"⁸.

Подобные мысли высказывались не только элитой титульных национальностей республик, но и немалым числом специалистов, давно занимавшихся национальной проблематикой в Центре. В защиту принятого значения термина "нация" выступали Э.А. Баграмов, Ж.Т. Тощенко⁹.

Дискуссии об использовании понятия "нация" продолжались и в 90-х годах; философы, государствоведы, социологи чаще прибегали к политико-практической аргументации, этнографы больше обращали внимание на традиции отечественной науки.

В.И. Козлов писал, что на протяжении по крайней мере XX в. слово "нация" и производное от него "национальность" употреблялись в русском языке обычно в этническом смысле, не связанном с наличием или отсутствием государственности. Это отразилось в тысячах книг и, таким образом, вошло в менталитет многих десятков (если не сотен) миллионов людей¹⁰.

Действительно, во Франции со времени Великой французской революции конца XVIII в. для обозначения сообщества свободных

граждан было использовано понятие "нация". Содержательный акцент в нем был сделан на то, что каждый народ (как граждане) суверенен и имеет право на образование своего государства. Под влиянием французской революции в таком значении понятие "нация" перешло и в английский язык.

Историческая ситуация в Германии была иной. На ее территории в то время существовало несколько немецкоязычных государств. Формировавшаяся идея немецкой государственной общности основывалась на языковом, культурном сходстве, территориальной близости. Понятие "нация" употреблялось там в смысле "народ" (Volk) и в таком значении сохранилось в немецком языке до сих пор.

В России четкости в использовании данного понятия не было и в начале XX в., хотя постепенно за ним все же закрепилось этническое значение. Возможно, это было связано с полиэтничностью государства и слабой идеей гражданского общества. Во всяком случае в социал-демократической литературе понятие "нация" употреблялось в этнокультурном смысле, а после включения в программные документы "права наций на самоопределение" оно приобрело еще и политическую нагрузку. К укорененности исторической этнокультурной традиции и апеллируют противники пересмотра понятия "нация".

Дискуссии о понимании нации вышли далеко за пределы академических учреждений и научных форумов в Центре. Наиболее активно и конструктивно теоретические вопросы обсуждались в Татарстане. Так, государственный советник Президента Татарстана Р.С. Хакимов, в отличие от многих в Татарстане, был готов принять понятие нации как граждан, объединившихся "в государственную общность"¹¹. Сегодня немало ученых и политиков в Центре и на местах готовы перейти на употребление понятия нации в значении согражданства, однако в большинстве обсуждений и публикаций по постсоветскому пространству мы встречаемся с использованием понятия нации в традиционном для российской науки значении.

И все же дискуссии не прошли бесследно. Конституция РФ 1993 г. определяет республики как "национальные государства", а не только как "государства". В "Концепции государственной национальной политики", подписанной президентом Б.Н. Ельциным 15 июня 1996 г., нет термина "нация", хотя не вводится и понятие "гражданская российская нация".

Сторонники использования термина "нация" в значении согражданства и инициатор этой идеи В.А. Тишков понимают, что использование термина в прежнем смысле обрело глубокую эмоциональную и политическую легитимность, и никакими запретами-декретами его демонтировать нельзя. "Никто не накладывает запрет, - пишет В.А. Тишков, - на употребление понятия нации в его этническом значении для лидеров республик и активистов национальных общин, но федеральная власть обязана оставить некоторое доктринальное пространство для процесса гражданского нациестроительства, без чего не может существовать ни одно государство"¹².

Учитывая весь ход дискуссии вокруг термина нации, в социологических работах последнего времени для определения этнокультурной общности кроме принятого во всем мире понятия "этническая группа" употребляются понятия "этнонация" или "национальность", "народ".

Совершенно очевидно, что дискуссии вокруг понимания нации имеют не сугубо теоретический характер. Они связаны с вопросами государственно-политического устройства страны, сохранения или возможности ликвидации республик как национальных государств.

Главное же заключается в том, чтобы государственность не использовалась для утверждения исключительного положения и узурпации власти одной этнической общностью, что противоречит процессу гражданского равноправия.

В современной ситуации важнее содействовать демократическим процедурам правления в республиках, улучшению социального самоуправления граждан, увеличению возможностей для людей реализовывать свои коллективные и частные интересы¹³.

Дискуссии вокруг понимания этничности. Что такое народ, этнос?

Значение понятия нации обсуждалось главным образом в нашей стране, в большинстве же других стран было принято какое-то

одно его значение.

О смысле понятий "этнокультурная общность", "этнонация" шли споры среди мировой научной общественности. В основном они велись больше в академическом плане, но имели выходы и на политику.

Дискуссия вокруг понимания этничности стала разворачиваться с начала 70-х годов. Обычно ее связывают с ситуацией в мире - распадом колониальной системы, образованием новых государств, обострением межэтнических отношений в самих индустриальных странах. Проблемы этничности обсуждались в рамках объяснительных моделей в различных теориях, в том числе в теориях социальных изменений, межгрупповых отношений, дискриминации, этнической идентичности, ассимиляции. Все эти теории сводят, как правило, к трем подходам к пониманию этнического феномена - примордиалистскому, инструменталистскому и конструктивистскому.

В теориях примордиалистского подхода выделяются два направления: социобиологическое и эволюционно-историческое.

Сторонники первого рассматривают этничность как объективную данность, изначальную (примордиальную, т.е. исконную) характеристику человечества. Они объясняют этничность с помощью эволюционно-генетических идей, интерпретируя ее как "расширенную родственную группу", "расширенную форму родственного отбора и связи". Излагая эту точку зрения, Ван дан Берг писал: "С прогрессивным ростом размера человеческих обществ границы этноса становились шире, связи родства соответственно размывались... Однако потребность в коллективности более широкой, чем непосредственный круг родственников на основе биологического происхождения, продолжает присутствовать даже в современных массовых индустриальных обществах"¹⁴.

Примордиалисты подчеркивают в этничности глубокую аффективную привязанность людей. Объяснение этому наука пытается дать лишь в последнее время, когда социальные психологи стали разрабатывать теорию аффилиации (потребности в принадлежности к группе).

Авторы и последователи другого - эволюционно-исторического - направления примордиалистского подхода рассматривают этносы как социальные, а не биологические сообщества, глубинно связанные с социально-историческим контекстом. Это реально существующие группы с присущими им чертами - языком, культурой, идентичностью, отличающими их от других групп.

Примордиалистское представление об этносе, главным образом второго направления, до 60-70-х годов XX в. практически доминировало в мировой науке, а в отечественной науке было единственным до начала 90-х годов.

Наибольшее распространение получили представления об этносе, сформулированные Ю.В. Бромлеем. Согласно данным представлениям, этносы характеризуются определенными собственно этническими свойствами (язык, культура, этническое самосознание, закрепленное в самоназвании), но эти свойства формируются только в соответствующих условиях - территориальных, природных, социально-экономических, государственно-правовых¹⁵.

Социобиологическое понимание этноса представлено в отечественной науке концепцией Л.Н. Гумилева, который считал этнос природным, биологическим феноменом. Источником развития, по Л.Н. Гумилеву, является пассионарный толчок. По существу, ученый продолжил развитие идей, сформулированных в начале XX в. С.М. Широкогоровым, хотя культуру, создаваемую этносом, он понимал как социальное явление.

Есть еще одна концепция понимания этноса. Н.Н. Чебоксаров и С.А. Арутюнов развивали представление об этносе как типе общности, основанной на информационных связях. Сходной концепции придерживается и А.А. Сусоколов¹⁶. (Подробнее см. с. 214.)

В 70-х годах в США в связи с необходимостью объяснений массовых этнических и расовых движений начали появляться новые объяснительные концепции этничности. Теория "плавильного котла", которая представляла "ассимиляторское" направление в оценке этнических взаимодействий, стала заменяться концепцией так называемого "салата". В "салате" же при общей консистенции сохраняется и каждый ингредиент (составляющая). Какой же это ингредиент?

В сборнике статей "Этничность, теория и опыт", вышедшем под редакцией Н. Глезера и Д. Мойнихана, этническая группа трактовалась как общность, объединяемая интересами, а этничность - как средство для достижения групповых интересов, мобилизации в политической борьбе¹⁷. Практически это - социологичное определение той реальности, которую изучают и этносоциологи, и этнополитологи.

Такое представление об этничности стало называться инструменталистским. Его сторонники объясняют сохранение этнических групп потребностями людей в преодолении отчуждения, характерного для современного общества массовой культуры, потребительских ценностей и прагматизма.

Подобные объяснительные мотивы исходят из социально-психологических теорий личности, общения. В известной мере они согласуются с теорией аффилиации и компенсаторных потребностей. Политический психолог Дж. Дэвис, развивая этот подход, писал о потребностях, которые побуждают людей к равенству, достоинству¹⁸. Этническая группа способна поддержать людей в реализации таких потребностей, мобилизовывать на их осуществление.

Этническую мобилизацию объясняют также потребностью в изменении социальной стратификации (стремлением подняться в высшие слои общества), в разделении рынка, для чего требуется участие во власти. Поэтому данное направление в объяснении этничности называют также гедонистическим (речь о нем будет идти при объяснении межэтнических конфликтов).

Согласно третьему - конструктивистскому - подходу к пониманию этнической общности, порожаемое на основе дифференциации культур этническое чувство и формулируемые в его контексте представления и "доктрины" представляют собой интеллектуальный конструкт писателей, ученых, политиков. Широкое распространение образования и средств массовой информации позволило передавать их идеи самым широким массам. Ключевую роль в мобилизации членов этнической группы на коллективные действия во имя политических или социальных целей играют лидеры, которые нередко преследуют собственные цели и совсем не всегда выражают волю народов. В учебниках и работах по социальной и культурной антропологии часто цитируют Б. Андерсона, Р. Бурдье, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума как выразителей идей конструктивизма¹⁹.

Конструктивисты широко и специфическим образом иллюстрируют образование традиций, в частности приводят пример об изобретении знаменитой шотландской мужской юбки, которая была придумана англичанином и благодаря деятельности любителей гэльской культуры стала ассоциироваться с гэльскими кланами. Много примеров подобного конструирования можно привести и из постсоветской действительности. Так, ингушские лидеры обосновывают мысль о том, что село Ангушт в Пригородном районе и есть "прародина ингушей", а осетинские интеллектуалы, настаивая на тезисе о том, что аланы - предки осетин, "кости которых разбросаны по всему Северному Кавказу", называют республику Северную Осетию Аланией.

С позиций конструктивизма В.А. Тишков формулирует понимание народа (этнической общности) как группы людей, члены которой разделяют общее название и элементы культуры, имеют общее происхождение и историческую память, обладают чувством солидарности. Все эти признаки - "результат особых усилий, особенно процесса нациостроительства"²⁰. Считая этнонацию социальным конструктом, конструктивисты вместе с тем признают ее значимой реальностью, способной определять действия людей, их мобилизацию для достижения целей.

Концепция конструктивизма естественно вызывает немало вопросов и даже возражений. Так, В.В. Коротева верно отмечает, что тексты могут читать все (добавим: и слышать о каких-то идеях, видеть создаваемые символы - флаги, гербы и т.п.), но соответствующие воображения, представления возникают не у всех. "Воображение объединяет лишь тех, кто обладает сходным жизненным опытом и подтверждает существующие деления"²¹.

Действительно, немало идей, которые "конструкторы" хотели бы внести в сознание людей, остаются лишь в их собственном воображении, другие же становятся консолидирующей силой в условиях недоступности людям средств массовой информации и системы образования. В период чеченского кризиса на территории республики это было совершенно очевидно. Не случайно, даже

самый активный пропагандист конструктивизма в России В.А. Тишков все же солидаризировался с теми, кто считает, что в трактовке этничности "обстоятельный анализ требует интеграции всех подходов".

Для этносоциологов важным в подходах к пониманию этничности было:

- 1) признание сторонниками всех подходов решающей роли этнической идентичности для самовыделения группы и для выделения ее другими, равно как и для деятельности людей в этнической сфере;
  - 2) формирование идей инструменталистской концепции, позволяющих сделать социально-психологические подходы к объяснению этничности понятными этнологам и другим обществоведам;
- обоснование в конструктивистском подходе роли идеологий и идеологов в формировании этнической солидарности.

Кого относят к этническим меньшинствам

Объектом исследования социологов работающих в этнической сфере, часто служат не доминирующие народы в полиэтничных государствах, а этнические группы, представляющие часть какого-то народа или национальности. Как называть их, чтобы наименование отвечало научным критериям, было понятно людям и не задевало их этнических чувств? А кроме того, с определением характера той или иной этнической группы связаны политико-правовые и политико-психологические вопросы. Еще в Советском Союзе многие недоминирующие народы, которые давали наименование союзным республикам, по Конституции СССР имели право не только на самоопределение, но и на выход из состава государства. Недоминирующие народы Российской Федерации, дающие название республикам, имеют право на самоопределение в составе государства. Но обладают ли таким правом другие народы, не имеющие своих государственных образований, или части народа, например, ногайцы, лезгины в России, армяне Карабаха? Эти проблемы воспринимаются как психологически-правовые и часто конфликтные.

С точки зрения научной терминологии, и бурят в Бурятии, и татар в Башкортостане, и русских в Саха (Якутии), и хантов правомерно назвать этническими группами - здесь у социологов затруднений нет. Но в среде самих национальностей, а чаще - среди этнологов, бурят и хантов в Бурятии называют народами, татар в Башкортостане - национальным меньшинством, относительно русских в Саха (Якутии) могут затрудниться с определением, поскольку русских в этой республике больше, чем якутов.

Проблема меньшинств актуализировалась во всем мире, что связано с ростом этнического самосознания, национальными движениями, активизацией миграционных процессов. На постсоветском пространстве она воспринимается остро еще и потому, что вследствие распада Советского Союза народы были разделены отнюдь не эфемерными границами и для диаспор жизненно важным оказался вопрос: гражданами какого государства они должны стать, т.е. будут ли они иммигрантами, временными жителями¹⁴ или меньшинствами в государствах, где они живут. Именно так встал вопрос перед русскими в государствах нового зарубежья, перед украинцами в России, особенно теми из них, кто приехал, например, в Магаданскую область или Саха (Якутию) не на постоянное жительство и после работы, на пенсии, собирался жить в Украине (а так называемые северные пенсии им теперь на Украине не выплачивают). В связи с демократизацией и деятельностью правозащитных движений вопрос о правах граждан разных национальностей для многих стал уже не декларативным, а вполне реальным.

Россия приняла на себя международные обязательства по соблюдению прав меньшинств, следовательно, она должна соблюдать принятую в 1992 г. Генеральной Ассамблеей ООН "Декларацию о правах личности, принадлежащей к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам". Тогда же при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе был учрежден институт Верховного комиссара по правам человека и национальных меньшинств с целью предотвращения конфликтов, связанных с положением этнических меньшинств. Верховный комиссар Макс ван дер Стул проявил свои способности, действуя на постсоветском пространстве, влияя на законодательство, например в Эстонии в отношении неэстонского населения.

Таким образом, и для отдельного человека, и для национальности (или части ее), к которой он себя относит, немаловажное

значение имеет то, какое понятие используют для их наименования - "народ", "этническое меньшинство", "национальное меньшинство", "коренной народ", поскольку все они часто имеют вполне определенный социальный и политический смысл. Это делает необходимым выделить типы групп, которые в международной правовой или социальной практике могут быть отнесены к этническим меньшинствам. Но надо иметь в виду, что чисто количественные характеристики в данном случае не могут считаться достаточными и что пока нет всеми признанного определения этнического меньшинства. Действительно, титульные национальности в республиках Российской Федерации или франкоканадцы в канадском Квебеке считают себя не меньшинствами, а народами, нациями в этническом значении, хотя реально ни те, ни другие не являются доминирующим по численности большинством.

Понятие "этническое меньшинство" - не чисто демографическое, оно несет на себе и определенную социально-психологическую нагрузку. В самом деле, для того чтобы группа самоидентифицировалась как меньшинство, она должна ощутить свое недоминирующее положение или дискриминацию. Приведем такой пример. В Киеве проходила международная конференция по проблемам новых диаспор (частей народа, живущих за пределами государства основного проживания). Выступая на этой конференции, социолог из Одессы, которая занимается национальными проблемами, спрашивала: "Почему мы, русские, в Одессе должны считать себя меньшинством? По социальному статусу мы не ниже рядом живущих с нами украинцев и по численности нас не меньше". Вот почему понятие "этническое, национальное меньшинство" имеет в своем содержании и социально-психологический компонент, который определяется, обуславливается конкретной исторической и социально-политической ситуацией.

Исторически так сложилось, что часть народов в прошлом в СССР и теперь в России, или, например, в Грузии, имеют государственные образования, носящие их имя. Это титульные народы республик. В официальной практике их не называли "меньшинством". А использовавшееся в России бытовое понятие "нацмен" по отношению ко всему нерусскому населению воспринималось как уничижительное и сегодня фактически ушло из практики употребления.

Титульные народы и другие этнические общности, кроме русских, в республиках часто называют коренными, хотя и это название неточно. Но, во-первых, во многих случаях на территории республик проживало не одно поколение русских. И даже столицы некоторых республик были основаны русскими, как, например, Якутск. Во-вторых, в международной практике под коренными народами имеются в виду аборигенные народы, "ведущие племенной образ жизни", как об этом говорится в Конвенции МОТ 1989 г. В трактовке, соответствующей современным условиям России, это народы, занимающиеся традиционными видами хозяйственной деятельности. Их права обычно защищаются как права малочисленных аборигенных народов.

Кроме того, термин "коренные" (жители) нередко трактуют как право на дополнительные преимущества на данной территории, что воспринимается как нарушение гражданских прав всеми другими национальностями, прежде всего русскими, украинцами в республиках. Учитывая все эти обстоятельства, ученые и политики стараются как можно реже или вовсе не употреблять термин "коренные", используя понятие "титульные (нетитульные) национальности".

Какие же типы групп можно отнести к этническим меньшинствам? К таковым относят группы, во-первых, численно меньшие, чем этническое большинство в государстве, во-вторых, находящиеся в недоминирующем положении, в-третьих, обладающие этнокультурной спецификой и желающие сохранить ее. Они могут быть частью этнонации, проживающей за пределами основной территории самоопределения последней (грузины в России, татары в Сибири и др.); могут быть группой сохраняющего свою идентичность народа, но разбросанного по многим странам и не имеющего своего государства (цыгане, курды и др.); могут быть народом территории внутренней колонизации (эвены, чукчи и др.); наконец, группой обосновавшихся на постоянное жительство граждан - в прошлом иммигрантов (немцы Поволжья, испанцы в России и т.д.).

Распад СССР и создание постсоветских государств привели к появлению понятия "новые меньшинства". Иногда так говорят о

русских в государствах нового зарубежья. В некоторых из них русским трудно осознать себя меньшинством, как, например, в Казахстане, где они не составляют численного меньшинства и по социально-профессиональному статусу не уступают титульному этносу. Сходная ситуация наблюдается и в Киргизии. Президенты этих государств употребляют в отношении русских термин "народ-партнер". Такая традиция существует в ряде западных государств; в частности, в категориях равного партнерства рассматривают франкоканадцев в Канаде, шведов в Финляндии, ирландцев, шотландцев в Великобритании. В некоторых государствах даже на официальном уровне признается двуязычие, как, например, в Финляндии.

В отношении этнических групп, являющихся диаспорами, международные документы не предусматривают права на территориальную автономию, а гарантируют главным образом защиту их от политической и культурной дискриминации. Неудивительно поэтому, что некоторые государства рассматривают значительные группы автохтонного нетитульного населения именно в качестве меньшинств, не принимая формул равного партнерства, как это имеет место, например, на Украине или в Латвии в отношении русских.

Все это побуждает ученых чаще использовать по отношению к меньшинствам, которые являются частью этнонации, живущей за пределами территории ее самоопределения, термин "диаспора". Если этническая группа признается другими и ощущает себя меньшинством, то обычно она нацелена на использование прав, которые предоставляют меньшинствам международные механизмы. Как правило, их права реализуются в рамках культурной автономии, но встречаются случаи, когда такие группы, их лидеры начинают бороться за право называться народом. Ведь народы имеют, хотя и оспариваемое теперь рядом ученых, право на самоопределение. Движение, связанное с борьбой за самоопределение в виде создания государств, называют национализмом. Вокруг понимания права народов на самоопределение идут острые дискуссии, меняется содержание понятия "национализм", неоднозначно воспринимается и само обозначаемое им явление. Поэтому тема национализма требует специального рассмотрения. Понимание национализма в отечественной и мировой литературе

Национализм считают одной из мощных сил современности, идеи его по степени влияния сравнивают с идеями либерализма и демократии. Национализму посвящены, особенно на Западе, многочисленные работы политологов, антропологов, политических и социальных психологов. Внимание к нему было связано с антиколониальным движением, ростом этнического самосознания в развитых индустриальных странах, с национальными движениями, в том числе на постсоветском пространстве.

Среди политиков, ученых, общественных деятелей, вовлеченных в национальные движения, идут споры. С одной стороны, нельзя не признать справедливым стремление людей сохранить целостность своего народа, его язык, культуру, с другой стороны, многие считают, что ориентация на сохранение культурной специфики этносов часто перерастает в требование определенных преимуществ для них, служит целям обоснования неравенства в гражданских правах, а поиски традиционных корней, ведущие к архаизации, препятствуют процессам модернизации и демократизации.

В СССР, а потом в России дискуссии о национализме стали возможны только в условиях начавшейся демократизации. Но именно тогда возникли массовые национальные движения, представители элит в союзных и автономных республиках выступили с обоснованием идей национализма. Полемика вокруг национальных проблем выходила далеко за пределы научного сообщества, она оказалась неотъемлемой частью всей политической жизни нашего общества.

В советской, а затем в российской науке и общественно-политической практике термин "национализм" использовался в негативном смысле - как политическое клеймо при оценке отступления от интернационализма. В социологии под национализмом имели в виду систему установок и политических идей об исключительности, превосходстве "своего" народа над другими, нетерпимости, нежелании смешиваться с другими народами (эксклюзивизм), а также действия, направленные на их дискриминацию.

Под влиянием национальных движений в союзных республиках, которые в начале перестройки способствовали падению

тоталитарного режима, у российских политиков и ученых вырос интерес к мировому опыту оценки национализма. Еще в СССР начали переводиться работы Э. Геллнера, обсуждаться идеи Э. Кендури, Э. Хобсбаума, Э. Смита, Б. Андерсена, Д. Холла. В западной литературе национализм трактовался как принцип, согласно которому политические и национальные единицы должны совпадать.

Верность идеям этнического возрождения стала мобилизующей силой общественных движений, направленных на достижение собственной государственности²². Нация должна быть как можно более независимой, что требует достижения ею некоторого политического суверенитета²³.

Суть национализма состоит в том, что это одновременно и политическое движение, стремящееся к завоеванию или удержанию политической власти, и политика, оправдывающая такие действия с помощью доктрины приоритета интересов и ценностей нации²⁴.

Несоответствие деклараций национализма его реальной практике, которое реально имеет место, не избавляет от необходимости объективного анализа сути национализма. Поэтому ученые пытались найти такое определение понятия "национализм", с которым согласились бы и его противники, и его сторонники (последние воспринимали его позитивно). Приведенное выше понимание национализма отражает не оценку его, а именно суть.

В начале национальных движений в СССР признанию права народов самим решать свою судьбу, создавать государственность и определять меру независимости способствовала привычная для советской науки ленинская трактовка права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Это право, пусть и декларативное, было записано в Конституции СССР, а кроме того все прекрасно помнили ленинские высказывания о национализме больших и малых народов, о позитивной направленности национально-освободительных движений в процессе деколонизации. Все упиралось в одну проблему - отсутствие действенного механизма осуществления этого права.

Но вскоре обнаружилось несоответствие деклараций национализма реальной практике, что отмечалось и в западной литературе правда тогда оно не вызвало к себе особенно острого внимания. Впоследствии же неоднократные нарушения гражданских прав людей, не принадлежавших к титульной национальности, в получивших независимость государствах на постсоветском пространстве снова дали основание для употребления термина "национализм" (прежде всего в политической литературе) в оценочном (негативном) смысле. Несостоятельности его постулатов была, например, посвящена статья П.Е. Канделя "Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире"²⁵. Политики в России не употребляли понятие "национализм" в нейтральном смысле. Задачей же ученых было проанализировать объективно его суть.

В науке считается общепризнанным разделение национализма на гражданский (государственный) и этнический- этнонационализм. Первый иногда называют территориальным и считают его основанным на свободном самоопределении личности и рациональным. Такой национализм, отождествляемый с патриотизмом, признается нормой человеческого общежития, поскольку направлен на консолидацию всего населения государства с помощью юридических институтов, общегражданских прав, культуры, идеологии. Но в крайних вариантах он нацелен на государственную экспансию либо на агрессивные формы шовинизма или изоляционизма. Этнический национализм (этнонационализм) может быть политическим или культурным. Основанный на понимании нации как этнической общности, политический этнонационализм имеет целью достижение или удержание государственности, включая институты, ресурсы, культурную систему.

Культурный этнонационализм направлен на сохранение целостности народа, на поддержание и развитие его языка, культуры, исторического наследия. Он играет положительную роль при двух неперемennых условиях: во-первых, если не содержит в себе идей культурной замкнутости и изоляционизма, негативной направленности против других культур, и во-вторых, если у него нет стремления возродить и распространять те архаические элементы в культуре, которые препятствуют развитию этноса.

Обычно критике подвергается именно политический этнонационализм, который характеризуют как направленный на достижение преимуществ для одного народа во власти, идеологии, культуре. Этнонационализм доминирующих народов в крайних формах доходит до дискриминации по отношению к другим национальностям, узурпации государственных институтов и идеологии. Этнонационализм недоминирующих этнических групп в экстремальных формах преследует цели сепаратизма, устранения неравенства любыми путями и средствами.

Различая гражданский и этнический национализм, Э. Смит, на наш взгляд, верно отмечает, что это всего лишь два идеальных типа и что "каждый национализм содержит гражданские и этнические элементы в разной степени и разной форме"²⁶. Характер национализма, его направленность зависят от источников, которые его порождают и питают.

Источники национализма

Национализм - это не только идеи и соответствующая им политика, но и система ориентации, чувств. Поэтому источниками, которые его питают, могут быть как реальные обстоятельства, события, так и восприятие их, переживания людей.

Источником национализма в условиях многоэтнических государств имперского типа являются протест против национального неравноправия и стремление народов получить как можно больше независимости. В XIX в. он имел место в Австро-Венгрии, Османской империи, проявлялся среди недоминирующих этнических общностей в России. В XX в. национализм подобного рода существовал во всех частях мира.

На уровне обыденного сознания зачастую бывает трудно понять, почему народы, которые неплохо живут, включены в процессы модернизации, получают возможность широкого образования при поддержке метрополий, тем не менее стремятся к самостоятельности. Почему национализм активно проявляет себя в Квебеке, в Ирландии, почему так сильны были его вспышки на Украине?

В социологии известен закон возвышающихся социальных ожиданий. Чем активнее включаются народы в процессы урбанизации, интеллектуализации, модернизации в целом, тем шире становится диапазон их потребностей. Образование, распространение средств массовой информации делают доступными для людей широкие сравнения с опытом других народов. Все это и порождает новые потребности. Как говорится, "чем больше мы имеем, тем больше мы хотим".

Источником национализма нередко выступает реакция на возможность утраты уже достигнутого уровня автономии внутри полиэтнического государства. Если же речь идет о государственном национализме, то таким источником оказывается реальная или воображаемая опасность потерять независимость. Еще одним источником служит осознание ущерба, который могут нанести интересам страны другие государства в сфере экономики, использования ресурсов, территории, культуры. Опасность может восприниматься как со стороны метрополии, так и со стороны других народов. Например, якуты видят угрозу своим интересам в использовании ресурсов со стороны Центра, а осетины и ингуши ведут споры между собой из-за территории.

Подобные настроения довольно часто и широко используются теми политическими лидерами, которые не всегда руководствуются интересами народа, а заботятся о том, чтобы получить доступ к власти. В стремлении войти во власть или удержаться у власти они нередко разжигают националистические чувства людей.

Источником национализма может служить социальная почва - конкуренция за рабочие места, особенно в престижных сферах деятельности. Такая конкуренция возможна как между представителями доминирующей этнической общности и другими группами в самом государстве, так и с иммигрантскими группами.

Особо высокий экономический статус некоторых диаспорных групп даже по сравнению с доминирующим этносом тоже может стать источником националистических ориентации. Так, высокое представительство русских и евреев в бизнес-элите Эстонии и Латвии поддерживает национал-изоляционистские ориентации по отношению к русским и России; такие же настроения известны по отношению к китайцам в странах Юго-Восточной Азии, к японцам в некоторых странах мира.

Национализм, как мы уже говорили, это не только система идей и политика, но и специфические политико-психологические состояния и чувства, которые окрашивают восприятия политических идей и действий. Подробнее речь об этом пойдет в разделе о социально-психологических проблемах этничности (разд. V).

Здесь же важно отметить, что источником для появления национализма могут послужить конкретные ситуации, в которые попадают социальные группы, например ситуация депривации. Известно, что в случае осложнения экономического положения всегда ищут виноватых - ситуация поиска "козла отпущения", как говорят социологи. Таким "козлом отпущения" обычно оказываются те группы, которые в силу конкретных обстоятельств меньше страдают от трудностей и в глазах обывателя становятся виновниками этих трудностей. На постсоветском пространстве именно из этого источника питался погром турок-месхетинцев, антисемитские настроения.

Другой тип ситуации - это когда группа не имеет возможности для выработки собственных положительных идентичностей и целевых установок и национальная принадлежность становится основной переживаемой компенсирующей идентичностью. Часто такая ситуация возникает в низкостатусных или в чем-то ущемленных группах.

Источник национализма кроется и в психологии маргинальных групп, т.е. тех, кто не может идентифицировать себя ни с одной из групп, обладающих признаваемым в обществе статусом и достоинством. Политические психологи считают, что национализм такого типа чаще всего диффузный, пассивный и только в стрессовых ситуациях принимает агрессивную форму.

Политический национализм, если он не является выражением интересов угнетенного, дискриминируемого народа, как правило, бывает тесно связан с консервативными (правыми в капиталистических, государственно-социалистическими в постсоветских странах) и авторитарными ориентациями. "Эта связь, - пишет Г.Г. Дилигенский, - естественна и органична. Консерватизм выражает интересы привилегированных социальных групп, стремящихся сохранить статус-кво... Апелляция к общенациональным интересам - наиболее удобный способ оправдания такой позиции, игнорирования реального многообразия социально-групповых интересов, существующих в обществе. Кроме того, она позволяет эксплуатировать стихийный массовый консерватизм, питаемый страхом перемен ("не было бы хуже!"), особенно сильным в кризисной, неопределенной, стохастической ситуации"²⁷.

Национализм питают не только политические, социальные и психологические источники, но и правовые, поскольку он, естественно, ищет правовую основу для достижения своих целей. Одним из важнейших в этом отношении является право на самоопределение.

Право на самоопределение. Взгляд из центра и республик

Принцип самоопределения, как и гражданский национализм, появился во времена Великой французской революции. Тогда он имел смысл народного суверенитета. Но впоследствии под ним стали понимать право народа либо на выбор своего статуса (той или другой меры автономии) внутри полиэтничного государства, либо на образование собственного государства.

Интерпретация понятия "самоопределение" сталкивается с целым рядом трудностей. Прежде всего по-разному истолковывается тот объект, которому, как предполагается, должно быть предоставлено право на самоопределение. Обычно, когда идет речь о реализации права на самоопределение, обращаются к таким международным документам, как Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2625 (XXV) от 24.10.1970 г. о принципах международного права, в которой сформулирован принцип "равноправия и самоопределения народов", "Международный пакт о гражданских и политических правах" и "Пакт об экономических, социальных и культурных правах". Обращаются также к статье 1 Устава ООН, в которой записано: "Все народы имеют право на самоопределение... 2. Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими ресурсами... 3. Все участвующие в настоящем Пакте государства... должны в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право".

Но что имеется в виду под общностью, которая обладает этими правами? Народ может рассматриваться и как нация в

этнокультурном значении, и как гражданское сообщество, т.е. смешанное в национальном отношении население территории, или как государственное образование. По этому поводу идут дискуссии.

В период распада СССР не всегда было ясно, от имени кого происходило самоопределение постсоветских государств. Только Россия объявила свой суверенитет от имени "многонационального народа", тогда как в большинстве других бывших союзных республик инициатива исходила от титульной этнонации. Лишь впоследствии в Литве, на Украине и в Казахстане заговорили о гражданской нации, а в самое последнее время заявляют о гражданской нации в Латвии и Эстонии.

Таким образом, первое противоречие, возникающее в связи с правом на самоопределение, - это противоречие между этническими, гражданскими и административно-территориальными интерпретациями субъекта самого права.

Второе противоречие - противоречие между правом народов на самоопределение и принципом неприкосновенности, целостности государства (гарантированным Хельсинским соглашением 1975 г.).

Ряд идеологов в Центре обращали внимание на то, что приведенные международные документы принимались в связи с деколонизацией, и вне ситуации деколонизации применение принципа самоопределения приходит в противоречие с принципом неприкосновенности границ. Как пишет В.А. Тишков, "самоопределение допускается только в контексте деколонизации и только для народов как территориальных сообществ, а не этнических общностей"²⁸. Но те, кто борется за самоопределение, с такой трактовкой не согласны. Это касается всех - от франкоканадцев, ирландцев²⁹ до сторонников самоопределения в Российской Федерации.

Ситуация каждый раз осложняется тем, что нет единых представлений об условиях, основаниях и критериях для реализации требований самоопределения.

Для государств на постсоветском пространстве имели значение два обстоятельства: во-первых, декларативное, но часто повторявшееся положение о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, которое содержалось и в программе КПСС, и в тексте Конституции СССР; и во-вторых, ситуация на начальных этапах трансформации тоталитарного общества, когда демократия вообще воспринималась общественностью по преимуществу эмоционально и интерпретировалась как свобода, равенство. При таком подходе сама демократизация поставила под сомнение легитимность полиэтничного государства, основанного на несвободном, недобровольном выборе народами государственного устройства. Равноправие, самоопределение народов как право на свободу решать свою судьбу имело тогда достаточно широкую общественную поддержку.

Собственно идеи самоопределения и могут быть реализованы в условиях демократизации. Поэтому не случайно проблемы эти встали после начала перестройки. "Националы выступают за демократию в той мере, в какой она предоставляет народам свободу, - писал государственный советник Президента Татарстана Р. Хакимов. - Для народа, не имеющего национальных прав, демократия бессмысленна. Поэтому для любого народа демократия начинается с самоопределения"³⁰.

Союзные республики СССР реализовали право на самоопределение, однако это не значит, что они готовы предоставить такие же права другим народам, живущим на их территории. Об этом красноречиво говорит опыт Абхазии и Южной Осетии в Грузии. Республики Российской Федерации также самоопределились в той форме, в какой это соответствовало возможностям каждой из них.

Подводя итоги, можно констатировать, что существуют три подхода к праву наций на самоопределение.

1. Признать это право устаревшим или ошибочным. В качестве основного аргумента при таком подходе называется угроза стабильности международной политической системе, целостности суверенных государств - субъектов международного сообщества.
2. Признать фундаментальность данного права и его приоритет по сравнению с суверенитетом государств.
3. Искать новые консенсусные подходы. Наиболее рациональные идеи в подходах таковы:

* признание того, что отделение не должно обладать приоритетностью по сравнению с другими вариантами самоопределения (федерализмом, культурной автономией, территориальной автономией);

* сохранение государственных структур "не означает, что концепция государственного суверенитета не может быть изменена"³¹ (возможность частичной передачи власти подгосударственным, надгосударственным, международным структурам);

* в случае, если самоопределение народа представляет очевидную опасность для жизненных интересов других народов, оно может быть отложено, а в экстремальных случаях - отменено.

Эти идеи, явившиеся результатом обсуждения, содержатся в Предложениях сопредседателя неправительственной российско-американской группы по правам человека Э. Клайна.

Важно подчеркнуть два момента: прежде всего самоопределение не обязательно означает образование независимого государства, возможны разные формы его реализации, и, кроме того гибкость понимания права на самоопределение должна быть соотнесена с утверждающейся в политологии вариативностью понимания суверенитета (разделенный, частичный, функциональный суверенитет). Это делает возможным не интерпретировать каждую попытку самоопределения как сепессию, отделение, как нарушение целостности государства.

Раскрыть содержание, тип национализма необходимо для понимания причин межэтнических, этнополитических конфликтов для выявления скрытых пружин, регулирующих межэтнические отношения в каждом регионе.

Типы национализма

Попытки классифицировать национализмы были шагом вперед в его понимании, облегчавшим социологический анализ межэтнических отношений и идентичностей. Ранее уже говорилось о выделении таких типов, как гражданский (государственный) и этнический национализм. Разные авторы предлагают свое видение разнообразия национализмов. Дж. Брейли различает сепаратистский национализм, реформаторский, нацеленный на придание существующему государству более четко выраженного национального характера, и ирредентистский, направленный на объединение нескольких государств или присоединение части одного государства к другому³². Дж. Холл классифицирует все многообразие национализмов применительно к конкретным историческим периодам и регионам.

Наш подход к национализму, изложенный в книге "Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов" (авторы - Л.М. Дробижеева, А.Р. Аклаев, В.В. Коротева, Г.У. Солдатова), состоял в том, чтобы на основе изучения деклараций, институциональных решений и практического поведения выделить типы национализмов в Российской Федерации. В результате мы зафиксировали следующие типы.

1. Национализм классический, выражающий стремление к полной независимости (вариант Чеченской Республики - Ичкерии). В СССР этот тип был реализован в республиках Прибалтики, Грузии, Армении, на Украине, в Молдове. Сюда же можно отнести и Азербайджан, Казахстан, республики Средней Азии, правда, с учетом того, что за полную самостоятельность они не боролись, а получили ее в результате распада СССР. В составе же СССР они стремились к конфедеративному устройству в этом отношении их национализм того периода можно отнести к следующему типу.
2. Национализм паритетный с ярко выраженным стремлением к возможно полному суверенитету, который в силу внешних и внутренних условий ограничен за счет передачи части полномочий федеральному Центру (в Татарстане, Башкортостане, Туве).
3. Экономический национализм, при котором доминирующей в декларациях и действиях является самостоятельность в экономической сфере, и эта самостоятельность рассматривается элитой как путь к возможно полному суверенитету (в Саха (Якутии) и - на отдельных этапах - в Татарстане).
4. Защитный национализм, при котором доминируют идеи защиты культуры, языка, территории, демографического воспроизводства и т.п. (осетинский, ингушский национализм, этнокультурный национализм в Карелии, Коми).

Наконец, есть некоторые основания для выделения 5-го типа - модернизационного национализма, при котором доминируют "идеи инновационного прорыва". Он был свойствен российским реформаторам, которые нередко заявляли: "Сначала реформируем Россию, потом сами все к нам потянутся". Иногда он прослеживается в Татарстане.

Конечно, декларируемые идеи и политика, как и практика, заметно различаются. В реальной жизни очень редко удается осуществить идеи национализма без ущерба для людей других национальностей³³.

Учитывая критику национализма, важно выделить и показать возможности либерального национализма, который в декларациях, законах и постановлениях реализует культурный плюрализм, паритет культур и сохранение гражданских прав личности, культуру толерантности и отсутствие враждебного восприятия других наций.

Если существует сила, которую нельзя преодолеть, то важно понять ее, найти ее позитивные варианты и стимулировать их всеми возможными для научного мира способами.

Стремление к образу "национализма с демократическим лицом" есть в республиках Российской Федерации. При наличии традиции негативной оценки национализма в республиках принципы его обычно определяются в концепции самоопределения и суверенитета, а в ряде республик имеют место попытки создания республиканского согражданства. Например, под заголовком "Мы татарстанцы" публикуются материалы на целые газетные полосы, слово "татарстанцы" можно увидеть на плакатах-призывах.

Представление "мы - якутяне" настойчиво встраивается в общий идеологический каркас в Саха (Якутии). И при всех сложностях во взаимоотношениях этнических общин это тоже содействует развитию толерантности, уважения прав человека.

Национализм проявляется в разных формах. Одни из них жестко связаны с империализмом (если это национализм доминирующей нации), с авторитаризмом, национальной исключительностью. Но некоторые формы его проявлений вполне согласуются с демократией, социальной толерантностью.

Недоверие к национализму, даже в его либеральной и конституционной формах, иногда может порождать такие заблуждения как "чисто инстинктивная поддержка всех без исключения, даже деспотических, многонациональных государственных образований", - пишет М. Линд³⁴.

Демократизация и национализм

В мировой науке давно идут споры о совместимости демократии и национализма. Жестокий лик национализма, проявившийся в ходе мировых войн, непримиримость в межнациональных конфликтах дали серьезное основание для подобных споров.

Были и другие основания для сомнений в возможности демократии в полиэтнических обществах. Одно из них - оценка ситуации для этнических общин в период демократизации. Демократизация дает возможность открыто выразить их интересы, и это приводит к тому, что элиты или все сообщество начинают борьбу за пересмотр доступа к власти и ресурсам. Но стремление к независимой государственности ведет к конфликтам, ибо демократического способа передела границ не существует. Именно такие доводы приводят А. Рабушка и К. Шепсли в работе "Политика в плюральных обществах: теория демократической нестабильности" (1972)³⁵ и делают однозначный вывод: демократия в полиэтнических обществах невозможна.

А.Р. Аклаев приводит доводы, которые были выдвинуты против данного подхода. Первый довод: большинство стран мира полиэтничны. Выходит, что все они обречены на недемократический способ политического устройства. А между тем весь ход истории опровергает невозможность перехода к демократии таких стран.

Второй довод: природа этнической идентичности непостоянна, следовательно, этнические общности действуют вариативно.

В условиях перехода к демократии многое зависит от конкретной ситуации, в частности, от того, есть ли возможность для деятельности партий, общественных движений, существует ли "набор гражданских организаций, переплетение которых создает основу для политической умеренности, толерантности и компромисса". А.Р. Аклаев, обращаясь к классическим в политологии работам П. Брасса, К. Янга, Д. Ротшильда и др.³⁶, выделяет также тезис о роли государства и стратегических элит в том, как будет

проявлять себя этническая и национальная лояльность.

Определенный пессимизм звучит и в оценке способностей самой демократии учесть и выразить интересы этнических групп, обеспечить права людей разных национальностей в полиэтническом государстве. Дело в том, что наиболее демократичной считается мажоритарная система выборов. Ее суть отражает принцип "один человек - один голос", и побеждает тот, кто получает большинство голосов. Однако главная слабость мажоритарной системы - недостаточное представительство меньшинств. Английский ученый А. Льюис пишет: "Наивернейший способ убить идею демократии в плюралистическом обществе - это принять англо-американскую избирательную систему"³⁷.

Мировая политология и социология ищут пути реализации демократических принципов в полиэтнических государствах. Эти поиски связаны прежде всего с именем А. Лейпхарта. В работе "Демократия в многосоставных обществах. Сравнительные исследования" (1977; рус. перев.: М., 1997) и последующих исследованиях³⁸ он обосновывает идеи "демократии согласия, или участия", принцип которой - "со-участие во власти". В ней предусмотрены механизмы, позволяющие даже небольшим по численности группам занимать место в системе управления и не просто обладать правом вето по вопросам культурной автономии и "временного вето" по другим вопросам, затрагивающим их интересы, но и реализовать это право на практике. А. Лейпхарт предложил также способы обеспечения возможности меньшинства участвовать в исполнительных органах власти; при этих способах несоответствие соучастия во власти воспринимается менее болезненно.

Модель А. Лейпхарта предназначена для так называемого разделенного общества, иногда говорят о "глубоко разделенном обществе" или мяче - плюралистическом. Имеется в виду, что в сегментах такого общества реализуется деятельность в сфере образования, отстаивании трудовых интересов, культурной активности, потреблении информации, политике. В модели А. Лейпхарта Решающую роль играют элиты: именно от них зависят поиски соглашений и реализация их.

Есть в модели А. Лейпхарта и, если можно так сказать, "мины замедленного действия". Она ориентирует на закрепление этнической сегментации и может возвращать людей к акцентации этнической идентичности в ущерб другим идентичностям. Поэтому поиски путей построения демократии в полиэтнических обществах не прекращаются. В частности, в последнее время обсуждаются идеи так называемой интегральной демократии, при которой сегментирование общества не подкрепляется, но волей государственных деятелей обеспечивается со-участие этнических общин во власти. В качестве наглядного примера в этом случае обычно приводят политику Б. Клинтона, предусматривающую обеспечение и демонстрацию присутствия во власти представителей меньшинств.

В заключение отметим, что многие специалисты, в том числе по межэтническим конфликтам, считают, говоря словами Д. Горовица, что даже в самых жестко разделенных обществах "не существует причин для утверждений о тщетности попыток достичь демократии"³⁹.

Проблема для нашего, российского, общества имеет два взаимосвязанных аспекта: насколько формирующееся гражданское общество в Центре окажется способным учитывать интересы и русского, и других народов, насколько стратегические элиты в республиках смогут обеспечить гражданские права и не допустить дискриминацию нетитульных национальностей. К этим вопросам мы еще не раз будем возвращаться при раскрытии конкретных тем.

Примечание.

1. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических республик. М., 1990. С. 6.
2. См.: Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей//Советская этнография. 1986. № 3.
3. См.: Крюков М.В. Главной задачей остается проникновение в существо этнических связей//Советская этнография. 1986. № 5. С. 71.
4. Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России//Исследования по прикладной и неотложной

этнологии. М., 1996 № 100. С. 6.

5. См.: Тишков В.А. Народы и государство//Коммунист. 1989. № 1; его же. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР// Советская этнография. 1989. № 1; его же. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений//Советская этнография. 1989. № 5, Чешко С.В. Национальное государство или демократическое общество. //Вестник Академии Наук СССР. 1990. № 1.

6. См.: Гусейнов Г., Драгунский Д., Сергеев В., Цымбурский В. Этнос и политическая власть//Век XX и мир. 1989. № 9.

7. См.: Тадевосян Э.Б. О совершенстве национально-государственных отношений в СССР и русле перестройки//Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. М., 1989. С. 7л его же. Ленин, федерализм и наше время//Коммунист. 1990. № 6.

8. Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века. Состояние и перспективы федеративного устройства. М., 1996. С. 232-233.

9. См.: Баграмов Э.А. Нация. Как согражданство? //Независимая газета 1994. 15 марта; Тощенко Ж. Концепция опять не состоялась//Независимая газета 1996. 4 июня.

10. См.: Козлов В.И. Национализм и этнический нигилизм. //Свободная мысль. 1996. №6.С.98,104.

11. Хаким Р. Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве. Казань, 1993. С. 30-32.

12. Тишков В.А. Как преодолеть интеллектуальные провокации?//Независимая газета. 1997. 18 января. С. 6; его же.

Концептуальная эволюция национальной политики. С. 17.

13. См.: Тишков В.А. Как преодолеть интеллектуальные провокации? С. 6.

14. Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1981. P. 35.

15. См.: Бромлей Ю.В. Этнос и география. М., 1972; Этнология. Учебник для высших учебных заведений. М., 1994. С. 7.

16. См.: Арутюнов С.А. Этничность - объективная реальность//Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 7; Сусоколов А.А. Структурная самоорганизация этноса//Расы и народы. № 20. М., 1990.

17. Подробнее об этом см.: Дилигенский Г.Г. Указ. Соч. С. 87-93.

18. Davies J.Ch. Maslow and Theory of Political Development. Getting to Fundamentals//Political Psychology. 1991.Vol. 12. № 3. P. 417.

19. Bourdieu P. Espace social et genese des classes. Actes de la recherche en science sociales. Paris, 1984, № 52-53. P. 6; Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of nationalism. London: Verso 1983; см. также: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Коротеева В.В. Воображенные, изобретенные и сконструированные нации: метафора и проблема объяснения//Этнографическое обозрение. 1993. № 3.

20. Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики России. С. 17.

21. Коротеева В. В. Воображенные, изобретенные и сконструированные нации: метафора и проблемы объяснения.

22. См.: Геллнер Э. Нации и национализм. С. 5, 23, 24.

23. Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester, 1982. P. 3; Smith A. National Identity. L, 1991. P. 74.

24. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатов Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М, 1996. С. 17, 18.

25. См.: Кандель П.Е. Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире//Полис. 1994. № 6.

26. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатов Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 17, 18.

27. См.: Кандель П.Е. Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире//Полис. 1994. № 6.

28. Smith A. The Ethnic Origin of Nations. Oxford. 1986.

29. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994. С. 285.

30. Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. С. 6; Соколовский С.В. Самоопределение и проблема меньшинства//Этнометодология... Вып. 2. М., 1995. С. 130.
31. См.: Нодия Г. Демократия и национализму/Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 1. С. 97; Tigr D. Le droit de secession endroit international public//Canadian Yearbook on International Law.Vol. 20. 1982 P. 77.
32. Хаким Р. Сумерки Империи... С. 33, 37.
33. Мухарямов Н.М. Вопросы теории этнополитического анализа. Казань, 1996. С. 162-164.
34. Breuilly J. Op. cit. P. 11.
35. См.: Дробижина Л.М., Аклаев Р.А., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма... С. 370, 375, 376 и др.
36. Линд М. В защиту либерального национализма//Панорама-Форум 1996. № 1. С. 4.
37. См. об этом: Дробижина Л.М., Аклаев А.В., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма... (гл. 1).
38. Enloe C. Ethnic Conflict and Political Development. Boston, 1973, Rothschild J. Ethnopolitics: Conceptual Framework. New-York, 1982; Brass P.R Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. London, 1991.
39. Arthur Lewis W. Politics in West Africa. Oxford: Oxford University Press, 1965. P. 71.
40. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997; Lijphart A. Power-Sharing in South Africa. Berkeley, 1985.
41. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985. P. 684.

Литература

- Арутюнов С.А. Этничность - объективная реальность//Этнографическое обозрение. 1995. № 5.
- Бромлей Ю.В. Этнос и география. М., 1972; Этнология. Учебник для высших учебных заведений. М., 1994.
- Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
- Дробижина Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
- Кандель П.Е. Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире//Полис. 1994. № 6.
- Козлов В. И. Национализм и этнический нигилизм//Свободная мысль 1996. № 6.
- Коротева В.В. Воображение, изобретенные и сконструированные нации: метафора и проблема объяснения//Этнографическое обозрение. 1993 № 3.
- Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей// Советская этнография. 1986. № 3.
- Линд М. В защиту либерального национализма//Панорама-Форум. 1996 № 1.
- Соколовский С. В. Самоопределение и проблемы меньшинства//Этнометодология... Вып. 2. М., 1995.
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в Российской Федерации. М., 1997.

Раздел V

Социально-психологические проблемы этничности

Глава 10

Межэтнические отношения

Предметная область и особенности дисциплинарных подходов к изучению межэтнических отношений

Изучение межнациональных отношений было одной из основных областей в этносоциологии с начала развития этой дисциплины. Мы не случайно употребили термин "межнациональные отношения", поскольку исследовательское поле тогда сосредоточивалось на взаимодействии русских и титульных народов республик. Так назывались и первые работы, выполненные по данной тематике в

Советском Союзе¹. Исследователи работали в русле возрождавшейся в СССР социологии и использовали, естественно, ее терминологию того периода.

За рубежом это направление называлось и называется сейчас "социология расовых и этнических отношений"². Вот почему авторы - этнологи и антропологи по базовому образованию, которые в настоящее время пишут об этносоциологии, не находят в социологических словарях термина "этносоциология"³.

Проблемы межэтнических отношений представляют собой ту область знаний, которая совпадает в зарубежной и отечественной социологии. Но в изучении межнациональных (в значении этнонациональных) отношений в нашей стране есть свои особенности. Именно с развитием социологического изучения отношений между народами, этническими общностями появилась настоятельная потребность выделить два уровня их изучения: 1) институциональный и 2) межгрупповой, межличностный⁴.

Областью прямого интереса этносоциологии, социологии межнациональных отношений является второй уровень. Отношения же институционального уровня, например, Центр-республики, межреспубликанские взаимодействия, которые выражают интересы народов, рассматриваются как макросоциальные условия, влияющие на личностный и межгрупповой уровень отношений. Например, затяжной конституционный конфликт федерального Центра и Татарстана в какой-то мере, конечно же, влиял на отношения русских и татар. Конфликт Ингушетии и Северной Осетии из-за территории Пригородного района вылился в насильственный межгрупповой конфликт ингушей и осетин.

Определяя область интересов этносоциологов в сфере межэтнических отношений, мы также должны обратить внимание на специфику подхода, или, иначе говоря, ракурс исследования, ведь межэтнические отношения составляют область междисциплинарного изучения.

Этнические группы, народы, этносы - это большие сложные группы, и очевидно, что вся группа не может участвовать в непосредственном общении. Поэтому в исследовании надо учитывать и непосредственные контакты и опосредованные (через СМИ, официальные документы, предметы культуры и т.д.).

Сложность изучения больших групп типа этнических общностей состоит в том, что их отношения определяются не только интересами и обстоятельствами нынешнего дня, они имеют и предысторию. Кроме того, в больших группах, как правило, существуют разные социальные группы, политические объединения с перекрещивающимися интересами, которые в свою очередь лежат в разных плоскостях, в разных сферах жизнедеятельности (экономике, культуре, политике и т.д.).

Исходя из этого, межэтнические отношения в широком смысле слова понимаются как взаимодействия народов в разных сферах - политике, культуре и т.д., в узком смысле - как межличностные отношения людей разных национальностей, которые тоже происходят в разных сферах общения - трудового, семейно-бытового, а также соседского, дружеского и других видах неформального общения. Поэтому разные науки и научные направления обращаются к изучению межэтнических отношений со своей точки зрения. Этнологи из всех отношений между этническими группами изучают обычно межкультурные взаимодействия (в центре их внимания - этнокультурные переменные). В поле зрения историков находятся отношения между народами в ретроспективе. В политической социологии исследуется влияние характера межнациональных отношений на политическую обстановку в стране, республиках.

Наиболее близок угол зрения и предмет исследований у этносоциологов и этнопсихологов, работающих в русле этносоциологии. Это объясняется прежде всего близостью объекта исследования и изучаемых явлений и процессов. Правда, этнопсихологи, работающие в психологии, в качестве объекта обычно изучают небольшие группы - коллективы (часто студенческие), а иногда и группы испытуемых в специально создаваемых условиях. Этнопсихологи, работающие в русле этносоциологии, как и этносоциологи, объектом изучения имеют большие группы - народы или диаспоры - в естественных, но никогда - в специально созданных, экспериментальных - условиях.

Практически этносоциологи изучали межэтнические отношения в рамках социологических проектов, объектом в которых были Целые народы - русские в пределах национально-государственных образований, эстонцы в Эстонии, молдаване в Молдавии, грузины в Грузии, саха в Саха (Якутии), тувинцы в Туве, карелы в Карелии и т.д. Конечно, в рамках социологии проводились исследования и межэтнических отношений в трудовых коллективах или конкретных социальных группах, например рабочих разных национальностей, но значительно реже.

Однако притом что подходы социологов и психологов к изучению межэтнических отношений наиболее близки (ведь практически этносоциолог в этой области работает как этнопсихолог), них все же есть и специфика. В центре внимания этносоциологов находятся межгрупповые процессы и явления, их обусловленность культурными, политическими, экономическими, психологическими детерминантами. Внимание же социальных психологов, работающих в психологии, сосредоточено на отражении процессов взаимодействия групп, т.е. на когнитивной сфере⁵.

Предметом исследования при изучении межэтнических отношений и у этносоциологов, и у этнопсихологов являются прежде всего представления о своей и другой группе, восприятие ее, готовность к контактам с ней, наконец, психические состояния и процессы. Но кроме этого этносоциологи включают в предмет изучения и реальные факты поведения (например, участие в партиях, движениях, общественных акциях).

Психологи изучают главным образом отношения на уровне межличностного общения, поэтому индикатором для них служат установки на личностные контакты с людьми другой национальности. Этносоциологи держат в поле зрения и другие виды взаимодействия, поэтому включают в изучение также отношение к ценностям, нормам, другой культуре, готовность к адаптации и межкультурным взаимодействиям. Правда, изучать последние феномены ставят своей задачей и социальные психологи, когда имеют дело с большими группами. Однако, по признанию специалистов, "проблематика больших групп находилась на глубокой периферии психологической науки⁶. Психологи изучают варибельность психологических характеристик и закономерностей. Этнокультурные переменные помогают им по-новому взглянуть на "традиционные психологические универсалии". Этнокультурный контекст для них - частный случай социального контекста⁷.

У этносоциологов при изучении межэтнических отношений в центре внимания находится поведение людей разных национальностей в сфере межнациональных взаимодействий. Психологические закономерности для них важны, но они - один из факторов влияющих на поведение группы.

При этом поведение людей рассматривается не только через поступки, но и через факты сознания, восприятия действительности - взгляды, представления, установки, ориентации, ценности.

Методология изучения межэтнического взаимодействия

Психология межэтнических взаимодействий изучается с помощью социально- психологических теорий среднего уровня. Анализ осуществляется через личность, включенную в этническую группу. Естественно, степень такой включенности у людей очень разная и зависит не только от типа личности, но и от культурных традиций, конкретных ситуаций. Тем не менее если человек считает себя русским, украинцем, татаринном, лезгином и т.д., то, изучая его как личность, можно понять социально-перцептивные образы и другие психологические реалии, характеризующие межэтнические отношения, в которых он участвует.

При изучении психологии межэтнических отношений используется ряд социально-психологических теорий. Одна из них - теория личности. Ей посвящена специальная литература ⁸. Нам прежде всего важны представления о структуре личности, сложившиеся в ее рамках. И.С. Кон писал, что одни понимают личность "в единстве индивидуальных свойств и ее социальных ролей", другие - как совокупность интегрированных в индивиде "социальнозначимых черт, образовавшихся в прямом и косвенном взаимодействии данного лица с другими людьми"⁹. При изучении межэтнических отношений второй подход фактически является доминирующим. Важен и подход А.Н. Леонтьева к рассмотрению структуры личности. Предпосылкой ее изучения он считал понимание личности в

неразрывной связи с деятельностью. Коль скоро в основе личности лежат "отношения соподчиненности видов человеческой деятельности", то структура личности представляет собой иерархию этих деятельностей¹⁰. Однако деятельность всегда мотивирована, поэтому за иерархией видов деятельности лежит иерархия мотивов, а также соответствующих им потребностей¹¹. У личности, включенной в этническую группу, это могут быть потребности в безопасности, целостности группы, солидарности, аффилиации, в социологическом плане блестяще описанные Э. Фромом в книге "Бегство от свободы". Наконец, это потребности в справедливости, позитивном восприятии другими, достижительности. Значимость последних потребностей при социологическом анализе описана Г. Кантрилом¹².

Считается, что структурные компоненты психологии (психики) личности воспроизводятся в психологии группы. Это как бы наложение, взаимодействие мотивационных, познавательных, эффективных (эмоции) и коммуникативных (общение) процессов. Психическими образованиями как результирующими продуктами взаимодействия этих процессов являются социальные установки, или аттитюды (англ., attitudes). Через них обычно и изучают межэтнические отношения.

Теория установки - это тоже специальная социально-психологическая теория среднего уровня, и ей посвящена специальная литература, которую мы рекомендуем к данной теме. Здесь же мы приводим главное из того, что имеет прямое отношение к межэтническим установкам как одному из видов социальных установок и определяет диспозицию личности и группы в межэтнических отношениях.

Межэтнические отношения всегда изучались с целью их гармонизации, предотвращения дискриминации и регулирования напряжений и конфликтов. Следовательно, и в теории установки нам важно видеть то, что поможет понять причины межэтнических напряжений и найти способы их преодоления.

Как известно, термин "установка" введен в русскоязычную литературу грузинским психологом Д.Н. Узнадзе. Но в его концепции установка касается реализации простейших физиологических потребностей и связывается со "склонностью", "готовностью" реагировать на основе бессознательного (англ. set). В таком понимании установки не отражают сложных форм деятельности людей и не могут быть использованы для их понимания. Поэтому в социальной психологии всегда подчеркивается, что для выявления "особых состояний личности, предшествующих ее реальному поведению"¹³, используется понятие "социальные установки", или аттитюды.

Изучение социальных установок имеет свою историю. В западной социологии она описана Дж. Дэвисом¹⁴, в отечественной - П.Н. Шихиревым¹⁵.

Примечательно, что уже первые исследования установки были связаны как раз с проблемами этничности. Знаменитая работа У. Томаса и Ф. Знанецкого "Польский крестьянин в Европе и Америке" была посвящена процессу адаптации, и роль аттитюдов авторы оценивали столь высоко, что социальную психологию они определяли как научное исследование установок. Последние рассматривали как "психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла социального объекта" или "состояние сознания относительно некоторой социальной ценности".

Г. Олпорт, объединяя различные представления исследователей, интерпретировал социальные установки как "состояние сознания и нервной системы, выражающее готовность и организованное на основе предшествующего опыта". Установки имеют сложную структуру. Начиная с М. Смита, утвердилось представление о трехкомпонентной структуре установки: 1) когнитивный компонент (осознание объекта, знания о нем); 2) эмоциональный (оценка, чувства по отношению к объекту); 3) поведенческий (конативный, регулятивный) компонент.

Таким образом, развитие теории установки внесло много нового в ее понимание, и в целом закрепились трактовка ее как социально обусловленного отношения к какому-то объекту или явлению¹⁶, как осознание, оценка, готовность действовать¹⁷. Мы выделили в социологической теории установки именно то, что необходимо этносоциологу для понимания места данного феномена в

межэтнических отношениях.

Этнические установки - это установки, которые имеют место тогда, когда человек, действуя в любой сфере, - профессиональной, политической, культуры и др. - осознает, оценивает и поступает как личность, включенная в этническую группу.

Межэтнические установки - это установки на взаимодействие (отрицательное или положительное со всеми нюансами) с другими этническими общностями в любой сфере жизнедеятельности и в любом виде - от личностного общения с людьми иной национальности до восприятия явлений, элементов истории, культуры, типов социально-экономического развития¹⁸ или еще шире - иных цивилизационных форм.

Любопытный факт: наиболее известные шкалы для измерения социальных установок в эмпирических исследованиях (шкала Богардуса, Л. Тернстоуна) строились на примере отношений к этническим группам.

Социальные установки определяют, направляют деятельность человека. Этнические и межэтнические установки аккумулируют предшествующий жизненный опыт, причем не только свой, но и окружающих, ведь установки формируются в процессе социализации и затем закрепляются в навыках, без которых строить отношения просто невозможно. В процессе межэтнических взаимодействий они выполняют компенсирующую функцию в познавательном процессе, минимизируя риск. Люди могут не вполне понимать ситуации и причины тех или других явлений, но закрепленное в установке отношение помогает избежать опасности.

Характерное проявление этой функции межэтнических установок мы наблюдали в Саха (Якутии). После опыта межгрупповых столкновений в 1986 г. якуты и русские стали с особой осторожностью относиться к провоцирующим ситуациям. И когда в 1995 г. во время якутского праздника "Ыссах" мы спрашивали у русских, почему они не пошли на стадион, где разворачивались праздничные мероприятия, они отвечали, что у них "нормальные отношения с якутами" и они не хотят случайных (если люди выпьют лишнего) столкновений, т.е. прошлый опыт через установку как бы подсказывает поведение в иное время.

Установки выполняют и другую важную функцию - они как бы преобразуют знания в потребности и направляют действия.

Русские, которые живут сейчас в государствах ближнего зарубежья, из жизненного опыта и из информации официальных каналов осведомлены о необходимости знания государственных языков. Но только осознание этой потребности, сформировав установку на его изучение, помогает им стать двуязычными. Установки и потребности взаимосвязаны, однако, как верно отметил Г.Г.

Дилигенский, они относительно независимы¹⁹.

В последнее время мы нередко наблюдали, как кипели страсти вокруг инонационального населения, как, например, менялось отношение к азербайджанцам в Армении и как их изгоняли оттуда, а в свою очередь армян - из Азербайджана, хотя реальной жизненной потребности в этом не было. Эмоциональный накал установок приводил к действиям, не согласующимся с потребностями людей.

Групповые установки обладают особой силой и устойчивостью. Хотя и они, конечно, изменяются. Но еще большей устойчивостью обладают стереотипы. Психологи обычно считают, что этнические стереотипы занимают ключевое место среди межэтнических установок²⁰, и, кроме того, они выделяют предрассудки и предубеждения как виды установок²¹.

В этносоциологии этнические стереотипы - автостереотипы и гетеростереотипы (см. гл. 9) - рассматриваются самостоятельно. Это особенно важно подчеркнуть в связи с исследованием межэтнических отношений. При изучении этнической идентичности различия между этническими и межэтническими установками и авто- и гетеростереотипами не так заметны.

Указанные различия проявляются в следующем. Во-первых, "содержательной опорой" этнических стереотипов, по справедливому определению Г.У. Солдатовой, является традиционная этническая культура²². Однако когнитивный компонент этнической установки может быть намного разнообразнее. Когда человеку приходится действовать в сфере межэтнических отношений, он может актуализировать в установке и свои экономические, социальные потребности, знания о политических интересах, а также

может мобилизовать прошлый исторический опыт, который тоже шире, чем сфера культуры.

Во-вторых, в социологии различаются установки на объект и на ситуацию. Знаменитый эксперимент Лапьера, вошедший во многие учебники, прекрасно продемонстрировал их различие. Лапьер с двумя китайцами посетил 252 отеля, и везде, за исключением одного случая, их принимали радушно. В то же время на письменные обращения о возможности приема этнически смешанной группы ответ дали лишь из 128 отелей, причем и из них в 25% случаев ответили отказом.

Несовпадение установок на проективную ситуацию и на объект привело М. Рокича к выводу о том, что необходимо развести установки на объект и установки на ситуацию.

В нашей стране различие таких установок мы особенно почувствовали в период национальных движений. Сколько раз нам, социологам, работавшим в сфере межнациональных отношений, приходилось слышать: "Как же так, установки на отношения между русскими и, скажем, украинцами были такими благоприятными, а потом на референдуме большинство украинцев высказалось за отделение?". Действительно, в данном случае дело было не только в изменении установок (хотя оно тоже происходило), но и в том, что первая установка была установкой на объект, а вторая (во время референдума) - на ситуацию. Итак, этнические и межэтнические установки могут быть направлены и на объект, и на ситуацию, а этнические стереотипы - установки только на объект.

Наконец, подчеркнем, что этнические стереотипы и гетеростереотипы как элемент идентичности и как индикатор отношений рассматриваются под разным углом зрения. При изучении этнического самосознания нас больше интересуют автостереотипы, их содержание, а при изучении межэтнических отношений - гетеростереотипы, причем в содержании гетеростереотипов - именно наличие или отсутствие интеллектуальных и деловых качеств. Бытовые, коммуникативные негативные "приписывания" (типа "нечистоплотные", "негостеприимные" и т.п.) не так страшны, как отсутствие в гетеростереотипе позитивных деловых и интеллектуальных качеств.

Этнические установки фиксируют отношение к явлению (например, традициям), объекту (языку, литературе и т.д.) или к виду общения (деловому, семейному, дружескому, соседскому). Но если нужно выяснить тип отношения к контактам в целом или народу в целом, т.е. к его культуре, истории, людям и т.д., то предметом изучения становится система установок или ориентация. Поэтому различают ориентации на этнонациональную культуру того или иного народа и ориентации на общение (в целом).

И теории личности, и теория социальных установок помогают понять механизмы действия факторов, влияющих на межэтнические отношения. Совершенно очевидно, что формирование личности, ее установок и ориентации происходит в процессе социализации, начиная с детского воспитания в семье и затем под влиянием самого широкого спектра обстоятельств - этнической и социальной среды, политической системы, этнической политики государства, влияния мезосреды, т.е. обстановки в городах типов и селах, в территориальных локальностях и, наконец, микросреды трудовых коллективов и неформального общения. Исходя из этого, при подготовке Проектов, в которых изучаются межэтнические отношения, стараются включить максимально возможное число обстоятельств, допускающих последующее сравнение.

Опишем вариант исследования, в котором мы имели возможность учесть достаточно большое число обстоятельств, способных влиять на установки, ориентации и поведение людей в межэтнических взаимодействиях.

Проект "Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов" осуществлялся сотрудниками сектора социально-психологических проблем национальных отношений Института этнологии и антропологии РАН совместно с учеными из республик РФ (см. стр. 140). Разнообразие этнической среды взаимодействия этнических групп обеспечивалось включением в районы исследований республик, в которых контактирующие группы (русские-татары) были представлены практически в равновеликих пропорциях (Татарстан), титульный этнос был в меньшинстве - Саха (Якутия), где якуты составляли 33%, и в большинстве - Тува (практически 70% тувинцев). Этнокультурное разнообразие учитывалось путем включения в объект

исследования народов с разным вероисповеданием: русские - православные; осетины - в большинстве православные, частично - мусульмане; татары - в большинстве мусульмане; тувинцы - в основном буддисты.

Фактор социально-стратификационных различий изучался благодаря включению районов с разными вариантами социального взаимодействия этнических групп: практически равностатусный контакт (татары-русские, осетины-русские), разностатусный контакт (якуты-русские, тувинцы-русские), а также с ситуациями разной социальной мобильности. Разнообразие политических систем было представлено более плюралистическим в политическом плане обществом в Татарстане и менее плюралистическим в Осетии. Разнообразие полиэтнической структуры обеспечивалось тем, что в районы исследования вошли столицы республик, средние и мелкие города, села разных размеров.

Особенности микросреды в известной мере рассматривались через этнический состав трудовых коллективов, их типы (государственные, частные, смешанные предприятия), однонациональные и смешанные браки, дружественные связи.

В двух республиках (в Татарстане и Туве) до 1994-1995 гг. уже проводились исследования по сходной программе, поэтому была возможность для исторического сравнения. Сами контакты и установки на контакты изучались в разных сферах - общегражданской, деловой, семейной, соседского и дружеского общения.

В отличие от многих зарубежных исследований, которые ориентированы специально на изучение предрассудков, агрессии, в отечественных этносоциологических исследованиях сложилась традиция рассматривать межэтнические отношения в континууме "доброжелательные-нейтральные-негативные (неблагоприятные)".

Обострение межэтнических отношений, проявившееся и в ходе национальных движений, межнациональных конфликтов и напряжений на постсоветском пространстве и в Югославии, и в странах развитой демократии (в Великобритании, Канаде, Бельгии), повысило научный и общественный интерес к объяснительным моделям характера межнациональных отношений. Над ответами на вопросы: почему возникают напряжения и конфликты? Какие условия способствуют согласию и толерантным отношениям? Почему, казалось бы, одинаковые условия взаимодействия одни воспринимают как конфликтные, а другие адаптируются к ним? Какие группы населения обычно становятся творцами "пороховой бочки", и кто "подносит к ней спичку"? - работают и этносоциологи, и этнопсихологи.

Исторические и политические факторы в межэтнических взаимодействиях

Социальные психологи и социологи выделяют пять групп взаимозависимых факторов, влияющих на межэтнические отношения, - исторические, социальные, культурные, психологические (или их выделяют как личностные) и ситуативные. Нам представляется целесообразным выделить еще и политические факторы. Рассмотрим вкратце каждую из указанных групп факторов.

Среди исторических факторов, влияющих на межэтнические отношения, безусловно важное значение имеют три класса явлений. Первый - это сам ход исторических событий, в результате которых складывались отношения народов; второй - исторические события, которые становятся каким-то символом в ходе ныне развивающихся отношений; и третий - особенности историко-социального развития народа, включенного в контакт.

Народы как большие социальные общности вступают в контакт в результате разных исторических обстоятельств. Когда выявляют межэтнические напряжения, то чаще всего сосредоточивают внимание на завоеваниях, насильственных присоединениях, колониальном прошлом. При этом учитываются разные типы колонизации. Ведь, как известно, колониальные державы складывались не только путем завоеваний, но и на основе добровольного присоединения, поиска патронажа. Кроме того, известны так называемой "народной" колонизации. Имеет значение и то, какого типа отношения складывались с метрополией. Историки выделяют, например, британский и французский типы колонизации; так называемый внешний и внутренний колониализм. На территории всего СССР и РСФСР, а теперь и России, мы имели возможность наблюдать последствия исторически сложившихся отношений разного типа. И практически каждый из них сохраняясь в памяти народа, манифестировался в разные

исторические эпохи.

В Советском Союзе преимущественно декларировалось добровольное присоединение, которое иногда находили и там, где его не было или оно было вынужденным, а Российскую Империю хотя и называли "тюрьмой народов", реже характеризовали как державу с колониями. Акцентировалась цивилизаторская, патронирующая роль метрополии.

С началом национальных движений в Советском Союзе на территориях, где они разворачивались, наоборот, манифестировалось колониальное прошлое народов России, насильственный характер присоединения, ущерб от патронажа. В Прибалтике открыто говорилось о незаконном присоединении на основе Пакта Риббентропа-Молотова, в Татарстане - о завоевании Казанского ханства, среди чеченцев - о насильственном покорении и т.д.

Таким образом, направление отношений, обусловленных историей, геополитическим положением, складывалось по-разному, вследствие чего и сами отношения имели разный характер. Например, осетины и в Центре, и в регионе всегда считались опорой России на Кавказе; они допускались к высшим военным должностям и при царизме, и при Советской власти. Чеченцы же были среди тех, кого покоряли, завоевывали, восстания которых подавляли, в том числе и в годы Советской власти. Одним народам, "лояльным к центральному правительству", давали больше прав и свобод, другим - меньше. Принцип "разделяй и властвуй" действовал и во времена царской России, и в Советскую эпоху.

В памяти народа, как правило, сохраняются события, которые выступают как бы спланированным фактором, но, вместе с тем, нередко они же и "разделяют" его с другими народами. Они становятся символическими, вокруг них мобилируются идеологемы либо ущерба, либо героического прошлого. И очень часто разные народы оценивают их по-разному.

Типичный пример - оценка сталинских депортаций. Для крымских татар, например, это - акт незаконных репрессий, а для немалого числа русских, особенно воевавших в годы Великой Отечественной войны, - кара за измены, предательство, акция, обеспечившая безопасность в регионе. То же и в отношении чеченцев.

Другой исторический фактор - социально-экономическое развитие народа, программируемое прошлым. На территории России, а ранее Советского Союза, взаимодействовали народы, которые можно отнести к так называемым развитым, индустриальным, урбанизированным и к тем, которых называют развивающимися, слабо урбанизированными и индустриализированными. Одни народы осознают себя как развитые, самодостаточные, другие - как нуждающиеся в поддержке. Этот вертикальный срез уровня социально-экономического развития приходится рассматривать как исторический, имея в виду, что часто в истории он соотносится с той или иной формой государственности в прошлом или настоящем. Историко-экономическое развитие, сопряженное с политическим, давало эстонцам, латышам, а с какого-то времени и грузинам, украинцам, армянам основания претендовать на равностатусный с русскими контакт, чего не было у большинства других народов СССР.

Политические факторы, влияющие на межэтнические отношения, включают в себя по меньшей мере три класса явлений: принципы и формы государственного устройства, характер политического строя, тип государственной национальной политики. Любопытно, что американские социологи Т. Петтигрю, Дж. Симпсон и Дж.М. Ингер вообще не выделяют политические факторы как самостоятельные, а либо частично включают их в число исторических (Т. Петтигрю), либо упоминают их тогда, когда говорят о влиянии законов при рассмотрении теории социальной стратификации (Симпсон и Ингер). Скорее всего это связано с тем, что они исследуют межэтнические и расовые отношения в США, где народы, населяющие эту страну теперь, не имели на ее территории своих государств, а политическое устройство Штатов существенно различалось в историческом прошлом (рабовладельческий Юг), но не теперь. Иная ситуация в Европе, где проблемы соответствия государственно-территориального устройства и этнического состава населения стран рассматриваются, но главным образом в русле политической социологии²³. Что же касается Советского Союза и постсоветского пространства, равно как и бывших Югославии, Чехословакии, то здесь государственно-политические факторы чрезвычайно важны для понимания межгрупповых отношений. Исторически сложившееся

национально-государственное устройство выступало. Прежде и является сейчас историко-политическим фактором, воздействующим на межэтнические отношения.

Влияет на них и форма государственного устройства: унитарное государство или федеративное. Многие считают федеративное государство демократическим способом "решения национального вопроса".

Что касается влияния политического строя, то, естественно возможность культурного плюрализма намного шире в демократическом гражданском обществе, чем при тоталитарных или авторитарных режимах, характеризующихся высоким уровнем этнической дискриминации. Так, с тоталитарными режимами в Германии и Испании связаны массовая этническая дискриминация, чистки.

Проблема действий элит, мобилизации ими этнических чувств во имя важных для этносов целей - очень существенный политический параметр, направляющий межэтнические отношения. Не случайно роли лидеров придается особое значение в конфликто-логических теориях (см. гл. 12). В развитии межэтнических отношений элита выполняет ряд функций: 1) "задает" идеологию толерантности или вражды; 2) вырабатывает политику, которая будет направлена на примирение, снятие предубеждений или, наоборот, будет стимулировать фаворитизм; 3) направляет деятельность средств массовой информации, которые играют громадную роль в формировании межэтнических установок и стереотипов; 4) определяет образовательные программы, влияющие на предотвращение или рост предубежденности, борется за власть знаний посредством знаний; 5) наконец, она служит как бы образцом поведения.

Демонстрация такого поведения способна задавать определенный настрой. Например, встречи президента США Б. Клинтона с представителями этнических и расовых общин - поляками, индейцами, неграми - особенно широко транслируются средствами массовой информации. Такие действия президента, конечно, являются демонстрацией его политики.

Влияние типов политического режима мы хорошо можем видеть на примере истории нашей страны. Первая попытка либерализации режима в период Хрущевской оттепели сразу привела к расширению прав республик в сфере образования, культуры. Вторая попытка движения к гражданскому обществу, предпринятая в конце 80-х годов, сопровождалась, как известно, межэтническими напряжениями и конфликтами, но тому есть немало причин как в прошлом, так и в особой социально-политической ситуации именно в те годы, о чем речь пойдет дальше (гл. 12). Но факт остается фактом: именно реализация гражданских прав в обществе позволила представителям разных национальностей выразить их интересы. Другой вопрос - как этим воспользовались элиты, власти

При любом типе государственного и политического устройства политика государства, проводимая в отношении "меньшинств", большую роль, как, впрочем, и в целом этническая политика, которая касается и большинства, или доминирующего этноса.

При всем разнообразии политики, проводимой правительством, в ней можно выделить два основных направления, которые касаются этнических групп: интегрирующая политика (ее иногда называют унифицирующей) и политика культурного плюрализма. Интегрирующую политику сегодня демонстрирует, например, Эстония: тот, кто не знает эстонского языка и культуры, не является здесь гражданином государства. Но именно эта республика подвергается жесткой критике как изнутри, так и извне.

Пример плюралистической политики дает Украина, в которой принят нулевой принцип гражданства (т.е. все живущие на территории государства независимо от национальности и времени проживания получили гражданство), есть Декларация прав народов. Такую же политику демонстрирует Россия. Сам факт наличия двух государственных языков в большинстве республик РФ, а также принятие Закона о национально-культурной автономии свидетельствуют о намерениях осуществлять плюралистическую политику.

Политика плюрализма касается отнюдь не только области культуры, языка, образования. В широком понимании это и представительство национальностей в институтах власти, так называемое "соучастие во власти". Таким образом, политическая

сфера тесно связана с социальными интересами людей, их трудовой устроенностью, мобильностью, но это уже другая группа социально-структурных факторов, на которых мы кратко и остановимся далее.

Роль социально-структурных и культурных факторов

Среди группы социально-структурных факторов, влияющих на межэтнические отношения, можно выделить три наиболее существенных: 1) взаимосвязь социальной и этнической стратификации; 2) влияние социально-структурных изменений; 3) этнический фактор в социальной мобильности.

Обобщая многочисленные исследования по межэтническим отношениям, которые давно ведутся в США, Г. Оллпорт пришел к выводу, что предубеждения и конфликты ослабевают, если контактирующие группы обладают одинаковым статусом²⁴. Но полиэтнические государства, где все общины обладают более или менее равным социальным статусом, найти трудно. Феномен же большего представительства в престижных группах одних национальностей в ущерб другим достаточно широко распространен и на личностном уровне действительно воспринимается как дискриминация. "Белую работу сделает белый, черную - черный".

Для того чтобы "раскрыть" степень неравенства, социологи, изучая взаимодействующие группы, всегда анализируют социальную структуру. Результаты такого анализа по постсоветскому пространству представлены в гл. 3 и 5 данного учебного пособия.

В Российской Федерации уже к началу 90-х годов в 11 из 21 республики уровень образования - один из показателей социального статуса, особенно для 80-х годов, - у титульных национальностей был выровнен или практически выровнен с русскими в республиках (или был даже выше). Это касалось адыгейцев, бурят, балкарцев, башкир, калмыков, карачаевцев, лакцев, татар, осетин, хакасов, черкесов, якутов²⁵.

Однако выравнивание не означало, что "равностатусный контакт" стал привычным, а это очень важный социально-психологический фактор. При социальном сравнении, которое влияет на отношения, важно непременно учитывать два обстоятельства. Первое - сравнение у людей разных национальностей идет не вообще, скажем, русских и армян, русских и татар, русских и евреев, а русских и татар в Татарстане, или русских, армян и евреев, например, в Москве, т.е. в обозримой локальности. Второе обстоятельство - равностатусный контакт должен стать привычным, т.е. нужно длительное время для адаптации к такому общению. Ну и естественно, равностатусный контакт не является панацеей от напряжений, поскольку на характер общения влияют многие другие факторы и обстоятельства.

Таким фактором является, например, второй среди выделенных нами - изменение социального положения групп. Движение к желаемому равностатусному общению, как это ни парадоксально, ведет к напряжениям в межэтнических отношениях.

Конфликтность здесь связана с тем, что доминирующая в высокостатусных слоях группа должна "потесниться". Вместе с тем, у той национальности, которая продвигается в эти слои, растут потребности. "Чем больше имеем, тем больше хотим", - таков социологический закон возрастающих запросов. Следовательно, вторая группа социальных факторов, которая связана с социально-структурными изменениями, является конфликтогенной.

Ряд американских социологов выявили многочисленные конфликты, связанные с десегрегацией негров. Именно в их работах установлены некоторые важные закономерности. Так, быстрые изменения в статусе "отстающих" групп ведут к большей конфликтности. Уровень конфликтности снижается, если действуют "организованные группы", способные сконцентрировать свои усилия вокруг определенных образцов десегрегации. В тех общинах, в которых за изменения выступали комитеты содействия, мэры) церковные организации, межрасовые советы и т.п., межрасовые отношения смягчались. В других же общинах, где такого содействия не было, враждебность групп возрастала. Поэтому у детей белых и афроамериканцев были разные результаты от их совместного обучения в школах. "На скорость и направление изменений оказывает влияние и стратегическое искусство лидеров", - к такому заключению пришли Дж. Симпсон и Дж. Ингер²⁶.

В СССР, а затем и в Российской Федерации было высказано немало недоумений по поводу того, почему народы, которые в

советское время получили доступ к образованию (а нередко даже пользовались в этом отношении определенными преимуществами), все более заметно начали представлять в структурах власти, т.е. говоря социологическим языком, "выравнивались по социальной структуре", вместе с тем заявляли о своих новых претензиях, сначала в завуалированных формах (как в СССР - в конце 70-х годов), а потом (после "перестройки") и открыто. Объяснение подобным фактам дает теория социально-структурных изменений. Собственно, так было во всем мире. Например, в тот период, когда фламандцы и валлоны выравнивались в структуре, бельгийское общество должно было принимать меры для стабилизации; когда франкоканадцы стали догонять в социально-экономической сфере англоканадцев, Канада встала перед проблемой совершенствования государственного устройства.

Такую же ситуацию переживал в свое время СССР и переживает сегодня Россия. Есть ли способы смягчить действие данного фактора, кроме времени, необходимого для взаимной адаптации к новой "расстановке" позиций в социальной структуре? Такие способы есть. К их числу, как уже говорилось, относится прежде всего действие гражданских законов, организационных структур, лидеров.

Что касается ситуации в Российской Федерации и странах ближнего зарубежья, то в период экономической трансформации здесь действует еще одно осложняющее обстоятельство - формирование нового престижного слоя - "богатых людей", которых представляют банкиры, бизнесмены, предприниматели. Людей, каких национальностей окажется больше в данном слое? Это сейчас вопрос не просто ощущения престижа, достоинства, но и экономического интереса, что наиболее сильно затрагивает большинство людей.

Оформление собственности в нашей стране очень часто оказывается связанным с доступом к властным структурам (получение кредита, аренда помещения и т.п.), именно поэтому социальные интересы оказываются связанными еще и со стремлением доступа к власти. Русские в Эстонии, Латвии хотят быть равноправными гражданами не только из чувства собственного достоинства, но и потому, что для "негражданина" существуют ограничения в доступе к собственности. А эстонцы и латыши этими привилегиями хотят пользоваться преимущественно, ссылаясь на то, что и так в 1995 г. не менее 60% бизнеса было сосредоточено в руках русских и евреев.

Есть и другие социальные параметры, которые близко затрагивают интересы людей и осознаются как дискриминационные, в частности, возможности социального роста, мобильности, а точнее, социальных перемещений.

В СССР этот процесс зависел и от способностей людей, и от их стартовых возможностей, но он был и управляемым. Например, первые секретари ЦК компартий союзных республик были лицами титульной национальности, а вторые секретари - русскими. На высших командных должностях в армии всегда были русские, в некоторых случаях украинцы. Но в республиках идеологию союзной власти проводили "свои" для местного населения люди, поэтому в Академии общественных наук при ЦК КПСС готовились руководители из лиц титульных национальностей и им "открывали дорогу" в республиках. Готовились кадры и для развития производительных сил на местах. В результате мобильность, особенно среди титульных национальностей республик, была высокой, как правило выше, чем у русских (см. гл. 6). Скажем, если 2/3 или 3/4 людей из среды "моей национальности", живущих в городах (а именно с урбанизацией был тесно связан процесс мобильности), повысили свое социальное положение по сравнению с отцами, то, естественно, представления о достоинствах "моего народа", о его самодостаточности находят все большее распространение, и растут претензии на более высокий статус.

Далеко не всегда такие претензии спокойно воспринимались окружающими людьми нетитульной национальности, особенно русскими²⁷.

Среди людей понизивших свой статус по сравнению с отцами или в течение трудовой жизни, доля негативных установок на межэтнические контакты всегда выше.

Для измерения межэтнических установок часто используют шкалу Богардуса, по которой выясняют готовность респондента "принять человека иной национальности как: а) гражданина государства, б) делового партнера, в) соседа, г) друга, д) члена семьи (муж дочери, жена сына)". Шкалу обычно модифицируют. В советское время модифицировали и мы, поскольку проблема принятия лиц иных национальностей как граждан не стояла, да и соседей в городах редко кто мог выбирать. Но интересно было другое. Шкала рассчитана на измерение дистанции готовности к контакту: если, скажем, грузин готов принять русскую (русского) в качестве члена семьи, то он тем более готов принять ее (его) как друга, соседа, делового партнера.

Однако в ряде районов со сложной межэтнической ситуацией эта шкала "не работала". Например, в Эстонии во время опросов 70-х годов эстонцы чаще проявляли готовность к смешанным бракам, чем к партнерству в трудовой сфере. Тогда мы сделали вывод: установки на контакты в сфере трудовой деятельности и сфере неформального общения находятся под влиянием разных факторов. Если в трудовой сфере на них влияют конкурентные (конкурсные) ситуации, то в сфере быта - нормы культуры конкретного народа²⁸.

Культурные факторы, влияющие на межэтнические отношения, делятся на две группы: первая связана с просвещением и информированностью, вторая - с традиционными нормами каждой культуры (в социологии чаще говорят просто о традиционализме).

Тот факт, что образование, и в целом просвещение, способно разрушать межэтнические границы, снимать предубеждения, установлен в многочисленных исследованиях. В однонациональных, особенно часто в сельских, общинах негативные гетеростереотипы и предубеждения в значительной мере подпитываются их культурной замкнутостью. У образованных же групп негативные установки чаще всего не связаны с культурными факторами, особенно в деловой сфере.

К первой группе факторов относится и пропаганда образцов межнационального общения через средства массовой информации. Особенно большое влияние оказывают телевидение и пресса.

В мусульманской общине Вашингтона нам рассказали, как один крупный бизнесмен-мусульманин благодаря своему влиянию, в том числе в государственных учреждениях, добился того, что по телевидению было запрещено показывать мусульман в образе шейхов-богачей и кровожадных людей с оружием.

Мы наблюдали, как росли антимусульманские предубеждения, когда телевидение показывало кадры из чеченской республики с исполнением ритуального танца "Зикр" и отправлением "намаза" (молящиеся аллаху) на площади шейха Мансура. Но никто из наших респондентов не помнил, чтобы по телевидению показывали чеченца или аварца, даргинца из Дагестана, кабардинцев и балкарцев, обрабатывающих землю или работающих на предприятиях. И это один из очевидных примеров формирования "антикавказских" установок россиян. Надо ли удивляться, что в середине 90-х годов они имели место, например, у более 50% населения в Москве.

Вторая группа культурных факторов связана с традиционными Нормами поведения. Принято считать, что традиции чаще влияют на поведение в быту, но на самом деле здесь они просто очевиднее. Эндогамные браки преобладают у всех народов не только вследствие теоретической возможности заключения однонациональных и смешанных семейных союзов, но и благодаря установкам на такие браки. Однако традиционные нормы оказывают влияние и на отношения в трудовой сфере, а именно сказываются на выборе партнеров по бизнесу, проявляются в нормах общения в трудовых, коллективах, влияющих на отношения людей

Любопытно, как один из бизнесменов-калмыков объяснял то почему он предпочитает работать со своими соплеменниками "В нашем деле много риска, попадают люди неумелые или безответственные. Если кто-то из партнеров "прогорит", то за русского никто не заплатит, а за калмыка заплатит семья, родственники"

Представления о людях, с которыми лучше иметь дело, отношение к явлениям других культур, событиям из жизни других народов

во многом определяются тем, как историческое прошлое современная социальная действительность преломляются в психологии личности. Вот почему социологи особо выделяют личностные факторы.

Социально-психологические и ситуативные факторы. Толерантность в межэтнических отношениях

Обобщая теоретические подходы к объяснению межгрупповых отношений на личностном уровне, В.С. Агеев называет мотивационные, ситуационные, когнитивные и деятельностный подходы.²⁹

Мотивационные подходы к объяснению характера межэтнических отношений - нейтральных или напряженных и враждебных - исходят преимущественно из эмоциональной сферы психической деятельности.

Первая стройная систематизация взглядов в русле такого подхода связывается с именами З Фрейда и его последователей.

Враждебность к другим они объясняли бессознательными процессами, которые определяются характером эмоциональных отношений в семье, заложенных в раннем детстве.

В русле мотивационного подхода интерпретируют межгрупповые отношения и сторонники концепции "фрустрации и агрессии" Фрустрация, считают они, проявляется в напряжении, чувствах тревоги, отчаяния, перерастающих в гнев, раздражение, готовность к агрессивным действиям. С точки зрения этой теории Л Берковитц анализировал расовые волнения в США Он связывал развитие фрустраций с относительной депривацией - пониманием своих трудностей при сравнении собственного положения с положением других Положение об относительности депривации было, несомненно, важным для уяснения ее значимости человек склонен сравнивать свое нынешнее положение не столько с прошлым, сколько с "сложением других групп, находящихся во взаимодействии с ним. достаточно вспомнить, как накануне 90-х годов советские люди сравнивали свое материальное положение не с периодом, скажем, войны или послевоенного развития, а с положением народов других стран Европы, США, о котором они стали узнавать из передач телевидения и кинофильмов.

Отрицая неизбежность агрессии, связанной с фрустрацией в отношении иных этнических групп, исследователи считают, что сама идея связи фрустраций и агрессии достойна включения в объяснение межгрупповых отношений³⁰. Так, рассматривая типы напряженности, Г.У. Солдатов выделяет фрустрационную напряженность, главный признак которой - рост эмоционального возбуждения, повышение аффективной "заряженности" в среде этнической группы³¹. Массовая фрустрация как психическое состояние повышает уровень действия подражания, заражения.

Исследователями доказано, что фрустрации далеко не всегда ведут к агрессии. Возможны другие способы поведения либо нахождение какого-то вида решения проблем, порождающих фрустрационные состояния, либо перерастание (по каким-то причинам) этого состояния в депрессию. Видимо, применительно к этнической группе в целом, состояние депривации вряд ли может быть массовым, но элементы его безусловно могут проследиваться, особенно на личностном уровне, где они проявляются в росте неврозов, астенических состояний, фиксируемых у людей в зонах межэтнических конфликтов.

Фрустрации необязательно могут быть изначально связаны с другой этнической группой. Они появляются на основе экономических трудностей то, что наблюдал Л. Берковитц в США в отношении негритянского населения, когда жизнь становилась труднее, что наблюдается часто в отношении к мигрантам в Европе, а теперь и у нас - после распада СССР. Именно в период фрустрационной напряженности распространяются негативные стереотипные характеристики типа "черные", "чучмеки", "лица кавказской национальности", учащаются конфликтные эпизоды на личностном уровне.

В кросс-культурном исследовании этнической идентичности, осуществленном нами в 1994-1995 гг. в Татарстане, Саха (Якутии), Туве, Северной Осетии(, Г.У. Солдатовой установлено, что фрустрационные состояния были наиболее характерны для зон конфликтов в Северной Осетии, а также проявлялись в Туве, где экономические трудности и безработица были особенно ощутимы.

Известно, что Т. Адорно связывал агрессивное поведение по отношению к другим этническим группам с внутренними

побуждениями авторитарной личности. В частности, широкой представленностью в населении людей с авторитарными чертами он объяснял победу фашизма в Германии. Идеи Адорно критиковались за концентрацию внимания лишь на внутриличностных импульсах тогда как исследователи установили, что враждебность свойственна не только людям авторитарного склада. Но как бы то ни было важно, что именно с Адорно при изучении межэтнических конфликтов стали обращать внимание на личностные характеристики участников.

К сожалению, в отечественных исследованиях межэтнических отношений, в массовых опросах тип личности (авторитарный, невротический, экстраверт и т.д.) специально не изучался. В программах обычно "закладывались" тендерные, возрастные и социальные характеристики. Учитывались состояния удовлетворенности или неудовлетворенности различными жизненными обстоятельствами, оценка жизни в целом. На основе этих индикаторов при анализе идентичности и межэтнических установок, например, в упоминавшемся проекте "Национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов", выделялись типы пессимистов и оптимистов, выяснялся уровень агрессивности в группах. Но полученные характеристики рассматривались как результат ситуаций, конкретных обстоятельств. Ибо в инструментарий для массовых опросов очень трудно ввести процедуры, измеряющие, скажем, авторитарность или невротичность личности.

Проблема заключается в том, что социологические методики, используемые для репрезентативных опросов больших групп, крайне трудно совместить с психологическими. Не случайно психологи работают преимущественно с малыми или экспериментальными группами.

Но, работая с ними, невозможно учесть всю сложность социальных явлений. Неудивительно, что критика с этой точки зрения идет из среды самих психологов, в частности от создателя одной из наиболее популярных в психологии теории социальной идентичности Г. Тэджфела, которая развивается в русле когнитивных подходов. Согласно этой теории, группа есть "совокупность индивидов, которые воспринимают себя как членов одной и той же категории, разделяют эмоциональные последствия этого самоопределения и достигают некоторой степени согласованности в оценке группы и их членства в ней"³³. То есть, скажем, русских объединяет то, что они воспринимают себя как русских, отличают себя от нерусских и как-то оценивают. Иначе говоря, это осознаваемое (лат. *cognitio* - знание, познание) единство, соответствующее восприятию себя и отличие от других и есть группа. Таким образом, когнитивисты признают группу психологической реальностью. И такой подход очень близок конструктивистскому подходу в социально-культурной антропологии.

Межгрупповое сравнение является одним из положений теории социальной идентичности, в центре внимания которой были межгрупповые процессы - кооперация, конкуренция и конфликт. Основным направлением изучения межгрупповых отношений Тэджфел считал исследование когнитивных процессов, а именно социальной категоризации, идентификации, социального сравнения, межгрупповой дискриминации.

Несмотря на важность всех этих процессов и доказательство тезиса (очень существенного для нас) о влиянии этнической идентичности на межгрупповые отношения, поведение людей, групп объяснялось в теории социальной идентичности, исходя из "когнитивного субъективного мира личности".

Признавая значимость когнитивных процессов, мы, тем не менее, обращаем внимание на выводы исследователей отечественной школы в социальной психологии, в частности, на концепцию, сформировавшуюся на основе идей Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева о социальной, культурно-исторической обусловленности психики человека, на деятельностный подход. Формулируя его, В.С. Агеев пишет, что когнитивные процессы еще должны быть объяснены через специфику деятельности групп, объективных условий, в которых существуют и взаимодействуют группы. Объективные условия влияют и на сами межгрупповые взаимодействия, и на когнитивные процессы³⁴.

Таким образом, выделяя для самостоятельного рассмотрения сначала исторические, политические и социальные факторы,

влияющие на межэтнические отношения, мы следуем не только методологии, сложившейся в этнической социологии, но и представлениям, существующим в социальной психологии.

Критически оценивая неприемлемые моменты в ряде психологических теорий, нужно сказать, что проблемы, на которые они обращают внимание, уже вошли в практику отечественных исследований в области межэтнических отношений и в объяснительные модели. Это касается прежде всего разработки этнической идентичности и связанных с ней социальных представлений, установок, которые рассматриваются в системе.

Методология исследований, которая сложилась в Институте этнологии и антропологии РАН в результате длительного изучения этнического самосознания и межэтнических отношений, построена на принципе взаимодействия когнитивно-мотивационной сферы личности и важнейших характеристик общества - социальной, политической и этнокультурной среды.

С помощью психологических методик исследуются регулятивные и защитные социально-перцептивные, компенсаторные и регрессивные психологические механизмы, определяющие изменения идентичности, установок. Этот метод исследования наиболее последовательно изложен Г.У. Солдатовой³⁵ и состоит в следующем. Социально-перцептивные механизмы анализируются на основе выделения в межэтнических отношениях группы специфических эмоционально-атрибутивных феноменов, которые "работают" в условиях роста межэтнической напряженности. Такими феноменами могут быть следующие: усиление межгрупповых различий и уменьшение различий внутри группы; увеличение "позитива" в оценке собственной группы (т.е. то, что мы связываем с углублением этнокультурных границ); поиск виновного по этническому критерию; проецирование негативных чувств, качеств, неприемлемых для собственного народа, на других. Вина, ответственность за неудачи (в экономике, политической сфере и т.д.) собственного народа переносится на другие группы или их лидеров, т.е. идет поиск причин вовне, а не внутри.

Таким образом, усиливается атрибутивный механизм "эмоциональной пермутации" (лат. *permutare* - менять), т.е. смещения "оправдательных" и "обвинительных" оценок ("братские народы" становятся "оккупантами", "инородцами").

Еще один механизм - повышение избирательности восприятия в ситуации предполагающихся контактов, т.е. отсеивание позитивной информации, искажение поступающей информации, воспроизводство негативных этносоциальных представлений; деперсонализация членов своей и "враждебной" групп. Действие всех этих механизмов, являющихся показателями межэтнической напряженности, усиливается в условиях конфликтов.

Действие компенсаторных механизмов в межэтнических отношениях рассматривается как результат сформированного комплекса "групповой неполноценности". Он включает гипертрофированное чувство ущемленности (мы показывали действие его на примере идеологом в условиях подъема национальных движений), осознание маргинальности разрушение этнической общности как целого. Компенсаторный комплекс, по мнению Г.У. Солдатовой, способствует замкнутости, стремлению к превосходству, соперничеству и даже "отмщению" за перенесенные реальные и воображаемые обиды.

Можно добавить, что сама этничность в условиях разных социальных и политических перемен, кризисов гражданской идентичности выступает в своей компенсаторной функции. С этим обычно бывает связан рост гиперидентичности в массовых масштабах.

Антиассимиляционные настроения (восстановление коммуникативных функций "родных языков", восстановление утраченных элементов традиционной культуры и т.п.) перерастают в движения за восстановление достоинства, которые начинают восприниматься не только в психологическом плане, но и в политическом - как потребности в самоутверждении вплоть до суверенитета в разных формах.

Регрессивные механизмы выражаются в росте неуверенности в будущем. Это ведет к возвращению архаичных форм взаимодействия, восстановлению кланово-родовых систем в культуре, что мы наблюдали и в среднеазиатском регионе, и на

Кавказе. Регрессивные механизмы приобретают особую роль в случае длительных, трудноразрешимых конфликтов.

В одном случае они могут стать направлением (точнее, одним из направлений) в согласительных процедурах при регулировании конфликтов; в другом - тормозом в цивилизационном развитии, возвращая к тем стадиям, когда споры решались насилием и войной³⁶.

Все указанные социально-психологические механизмы включаются тогда, когда формируются интолерантные отношения между этническими группами.

По вопросу о том, что такое межэтническая толерантность, среди этнологов, этнопсихологов идут дискуссии. Одним из довольно распространенных является понимание толерантности как индифферентности к этническим различиям. Оно нередко встречается среди людей с высокой деловой или общекультурной ориентацией в жизненных установках - среди "естественников", математиков, экономистов. Но, бывает, его разделяют и те, кто, как говорится, "устал" от этнических, национальных проблем и хотел бы свести их на нет, однако в реальности такое "решение" просто невозможно.

Важно также учитывать, что люди из среды недоминирующих групп часто воспринимают саму постановку проблемы о толерантности как способ стимулировать "терпение", "терпеливость", а индифферентность в межнациональном общении - как стремление забыть о потребностях народов или даже как ассимиляторские тенденции. Вот почему понимание толерантности имеет не только научное, но и практическое, идеологическое и политическое значение.

Мы рассматриваем толерантность не как позицию самоограничения и намеренного невмешательства, согласия на взаимную терпимость, а как принятие других такими, какие они есть, и готовность взаимодействовать с ними³⁷. Многие исследования, проведенные нами в разных республиках Российской Федерации подтвердили, что людей толерантных, готовых к общению, везде намного больше, чем просто индифферентных. Среди русских доля этнически индифферентных колебалась в республиках в пределах 10-15%, а готовых к позитивным контактам - до 60-80% по социальным, демографическим и этническим группам. Межэтническая толерантность проявляется в поступках, но формируется в сфере сознания и, конечно, тесно связана с этнической идентичностью. Все виды гиперидентичности повышают уровень интолерантности в межэтнических установках. Но на этом основании считать этнонациональное самосознание опасным, стремиться не напоминать о нем было бы ошибкой, только усиливающей сложность межэтнических отношений. Не этническое самосознание вообще, а гиперболизация его (эгоцентризм, этноэгоизм и т.п.) отрицательно влияет на толерантность. Перерастание этнического самосознания в гиперидентичность и рост интолерантных установок связаны, как мы уже отмечали, далеко не только с процессами в психической сфере, но и в сферах социальной, экономической, политической жизни. Он в значительной степени определяется и ситуацией - стечением всех этих обстоятельств.

Ситуационный фактор мы интерпретируем более широко, чем в психологических концепциях. Д. Кэмпбел сформулировал теорию, согласно которой конфликт интересов между группами предопределяет отношения конкуренции и ожидания угрозы со стороны "чужаков". Именно угроза обуславливает ингрупповую враждебность, усиливает внутригрупповую солидарность, аффилиацию, непроницаемость границ, увеличивает меру наказания за отклонения от норм группы³⁸.

Как видим, при психологическом подходе восприятие и ощущение угрозы интерпретируются как та ситуация, которая порождает интолерантность в межэтнических взаимодействиях. При этносоциологическом подходе сама конкретная, объективная ситуация - стечение обстоятельств в экономической, политической и социальной сферах - создает конфликт интересов, влияет на восприятие обстановки, которые затем, в свою очередь, могут в той или иной мере определять и внутригрупповую солидарность, и углубление этнокультурных психологических границ.

Если рассматривать ситуации с личностных позиций, то для человека имеет значение, с какой группой он себя в данной конкретной ситуации больше отождествляет, как он для себя определяет эту ситуацию. Здесь действительно многое зависит от

ролей, которые он выполняет. Возьмем обстановку в трудовом коллективе, где идет речь о приеме на работу мигранта из зоны конфликта, скажем, абхаза из зоны грузино-абхазского конфликта. Если члены трудового коллектива больше отождествляют себя с пострадавшими от конфликта, чем с жаждущими оставить больше средств для зарплаты уже работающих в учреждении, и руководитель держится такой же ориентации, то он скорее может принять решение о зачислении абхаза. Но если руководитель больше ориентирован на внешние оценки его деятельности, то он может посчитаться с тем, что грузины станут воспринимать эту акцию как проявление симпатии к абхазам, и воздержаться от принятия в коллектив конкретного абхазского специалиста. Что же касается действия ситуативного фактора в больших группах, то социологи и социальные психологи выделяют в качестве благоприятных такие ситуации, когда этнические группы имеют общие цели, интересы, зависят от сотрудничества, взаимодействуют при позитивной поддержке правительства. Так, многие русские в республиках РФ поддерживали ориентации представителей титульных национальностей на большую их (республик) самостоятельность, что в значительной мере определялось общими интересами тех и других в использовании местных ресурсов.

Позитивная роль правительства в сохранении благоприятного климата в отношениях между татарами и русскими демонстрировалась нами на примере действий Президента Татарстана М.Ш. Шаймиева. Идея стимулирования консолидации татарстанской общности - "мы татарстанцы", превращение празднования дня провозглашения суверенитета, а также сабантуя, в общие праздники, служат лишь наиболее очевидными проявлениями такой консолидирующей политики.

Ситуативный фактор может играть и противоположную роль, способствуя эскалации конфликтов. Скажем, отношения федерального Центра и Чеченской республики (при жизни Дж. Дудаева) могли еще долго продолжаться в неопределенном русле или даже прийти к благоприятному для обеих сторон исходу, если бы не ряд конкретных ситуаций, связанных с интересами лидеров каждой из сторон. Но, конечно, в целом межэтнические конфликты являются следствием сложного комплекса обстоятельств, к рассмотрению которых мы и переходим в следующих главах.

Примечания.

1. См., напр.: Арутюнян Ю.В. Конкретно-социологическое изучение национальных отношений//Вопросы философии. 1969. № 12; Холмогоров А.И. Интернациональные черты советских наций. Рига, 1970 и др.
2. Симпсон Дж., Ингер Дж. Социология расовых и этнических отношений//Социология сегодня Проблемы и перспектива. Американская буржуазная социология середины XX века. М., 1965; Петтигрю Т. Расовые отношения в Соединенных Штатах Америки. Социологическая перспектива//Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М 1972; Inkeles A., Smith D. Becoming Modern; Individual Change in Six Developing Countries. L, 1974; Lukens J. Interethnic Conflict and Communicative Distance. -. In: Language and Ethnic Group Relations. Oxford: Pergamon Press, 1979.
3. См.: Перепелкин Л.С. Соколовский С.В. Этносоциология: Учебное пособие. Новосибирск, 1995.
4. См.: Дробижева Л.М. Психологические аспекты национальных отношений//Социальное и национальное М., 1973. С. 273; ее же: Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981. С. 6-7,5.
5. Подробнее об этом см.: Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. М., 1983; Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1994, С. 221-222.
6. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990. С. 104.
7. См.: Там же. С. 119.
8. См., например: Кон И.С. Социология личности. М., 1967; Ковалев А.Г. Психология личности. М., 1970; Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического анализа. М., 1988; Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности//Методологические проблемы социальной психологии. М., 1976 и др.
9. Кон И. С. Указ. Соч. С. 7.

10. Изложение подхода А.Н. Леонтьева к рассмотрению структуры личности дается по книге: Андреева Г.М. Социальная психология. С. 234.
11. См.: Асмолов А.Г. Указ. Соч.
12. Contril H. The Psychology of Social Movements. Wiley, 1941.
13. Андреева Г.М. Указ. соч. С. 253.
14. Дэвис Дж. Социология установок//Американская социология. Перспектива, проблемы, методы.
15. См.: Шихирев П.Н. Социальная установка как предмет социально-психологического исследования//Современная социальная психология США. М., 1979.
16. См.: Кон И.С. Социология личности. С. 27-28; Личность и ее ценностные ориентации//Информационный бюллетень. № 4(19). Советская Социологическая Ассоциация. М., 1969 и др.
17. Андреева Г.М. Указ. Соч. С. 256.
18. См.: Дробижева Л.М. Историко-социологический очерк межнациональных отношений... С. 34.
19. См.: Дилигенскт Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994 С. 138-139.
20. См.: Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие... Указ. соч. С. 115" 116; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1997 Гл. 1. § 5.
21. См.: Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие... (гл. 1).
22. Солдатова Г.У. Указ. Соч.
23. См.. Пош Б. Кризис территориального государства: сепаратизм и федерализм в Европе 1990 гг. (на примере Бельгии и Италии)//Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995. С. 118-140.
24. Allport G. W. The Nature of Prejudice. Cambridge, Mass. Addison. Wesley, 1954 (Ch. 16).
25. См.: Дробижева Л.М. Повторит ли Россия путь Союзам/Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 2.4.1.М., 1992. С. 98.
26. См.: Симпсон Дж., Ингер Дж.М. Социология расовых и этнических отношений. С. 433.
27. Русское этносоциологическое исследование. М., 1992. С. 421.
28. См.: Дробижева Л.М. Историко-социологический очерк межнациональных отношений (гл. 3. § 3).
29. См.: Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие... (гл. 1).
30. См.: Там же. С. 10.
31. См.: Солдатова Г.У. Указ. соч. (гл. 1. § 7).
32. См.: Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Указ. Соч. (гл. 7. § 4).
33. Tajfel H., Turner J. C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict. - In: Austin W. G., Worchel S. (eds) The Social Psychology of Intergroup Relations. Montrey, Calif., 1979, P. 40.
34. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие... С. 34, 36, 37.
35. Солдатова Г.У. Психологическое исследование этнической идентичности в условиях межэтнической напряженности//Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов/ Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 1994.
36. См.: Там же. С. 82.
37. См.: Дробижева Л.М. Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости//От толерантности к согласию. М., 1997. С. 52-53.
38. См.: Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие... С. 17.

Литература

- Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.
- Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1994.
- Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
- Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического анализа. М., 1988.
- Бодалев А.А. Личность и общение. М., 1983.
- Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994.
- Дробижева Л.М. Духовная общность советских народов. Историко-социологический очерк межэтнических отношений. М., 1981.
- Дробижева Л.М. Влияние этноконтактной среды на межнациональные отношения//Социальная психология и общественная практика. М., 1985.
- Дейкер Х., Фрейда Н. Национальный характер и национальные стереотипы//Современная зарубежная этнопсихология. М., 1979.
- Кон И. С. Социология личности. М., 1967.
- Московиси С. От коллективных представлений к социальным. //Вопросы социологии. Т. 1. № 2. 1992.
- Лебедева М.Н. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х гг. М., 1994.
- Леонтьев А.А. Личность как историко-этническая категория//Советская этнография. 1981. № 3.
- Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику. М 1983.
- Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966
- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. /Отв. ред. В.А. Ядов. Л., 1979.
- Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1997
- Социология сегодня. Проблемы, перспективы. Американская буржуазная социология середины XIX в. М., 1965.
- Социально-культурный облик советских наций. М., 1986.
- Русские. Этносоциологическое исследование. М., 1992.
- Шихирев П.Н. Социальная установка как предмет социально-психологического исследования//Современная социальная психология. М., 1979
- Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1994.
- Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
- Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности. //Методологические проблемы социальной психологии. М., 1976.

Учебное пособие

Арутюнян Юрий Вартанович

Дробижева Леокадия Михайловна

Сусоколов Александр Александрович

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Ведущий редактор Л.Н. Шилова

Редактор А. Г. Гридчина

Корректор В.Ф. Герасимова

Технический редактор Н.К. Петрова

Компьютерная верстка О.С. Коротковой

ЛР№ 090102 от 14.10.94

Подписано к печати 23.02.98. Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17.

Тираж 5000 экз. Заказ № 759

Издательство "Аспект Пресс"

111398 Москва, ул. Плеханова, д. 23, корп. 3.

e-mail: aspect.press@relcom.ru

Тел. 309-11-66, 309-36-00

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО "Можайский полиграфический комбинат".

143200, г

Можайск, ул. Мира, 93.

(Упомянувшийся Проект "Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов" (см. с.140)